

НА БЕРЕГУ ТЬМЫ

Захватывающий, полный драматизма роман о силе любви, жертвенности и женской судьбе.

Ирина Хакамада

НАТАЛЬЯ СОЛОВЬЕВА
автор бестселлера «Однажды ты узнаешь»

Вечные семейные ценности.
Исторический роман Натальи Соловьевой

Наталья Соловьева
На берегу Тьмы

«Автор»

2020

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Соловьева Н. В.

На берегу Тьмы / Н. В. Соловьева — «Автор», 2020 — (Вечные семейные ценности. Исторический роман Натальи Соловьевой)

ISBN 978-5-04-199685-7

Начало XX века. Крестьянка Катерина поступает на работу в барский дом, где в нее влюбляются и женатый помещик, и красавец управляющий. Девушка ищет простого женского счастья, но грядет эпоха перемен: революции, войны, голод... Удастся ли Катерине пережить все беды, выпавшие на ее долю, и сохранить дар чистой, всеобъемлющей любви? В книге присутствует нецензурная брань!

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-199685-7

© Соловьева Н. В., 2020
© Автор, 2020

Содержание

Предисловие	8
Глава 1	9
Глава 2	22
Глава 3	55
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Наталья Соловьева

На берегу Тьмы

© Н. Соловьева, текст, 2024

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

* * *

НАТАЛЬЯ СОЛОВЬЕВА

НА БЕРЕГУ
ТЬМЫ

МОСКВА
2024

Саше и Мише

Предисловие

Каменная усадьба на холме, старинный парк с аллеями и река с интригующим названием Тьма. Впервые я приехала в Берново в 2003 году сразу после учебы во Франции. Я жила в самом центре Парижа на улице Аркад, в бывшей комнатке для прислуги на шестом этаже, гуляла по Тюильри и Елисейским Полям и думать не думала, что однажды приеду в далекую тверскую деревню и полюблю ее всем сердцем. Легкая запущенность и безыскусность русской усадьбы сразу отозвались во мне. Словно я вернулась домой после долгого путешествия и решила остаться навсегда.

Но особенно меня впечатлил дом. В родительской семье не было никаких довоенных, а тем более дореволюционных вещей: я выросла в Беларуси, где после войны ничего этого не осталось. А в Бернове меня встретили сундуки, старинные зеркала, иконы и фотографии нескольких поколений Сандальневых. Семья, жившей здесь, в большом деревенском доме с высокой мансардой, со старинной лестницей, с пристроенным двором, где, кажется, еще вчера были коровы.

Мне рассказали, что женщины, хозяйничавшие в этом доме до меня, были очень волевыми и сильными. Мне не пришло в голову соперничать с их памятью, пытаться их вытеснить, наоборот, я достала вышитые их руками подушечки и расстелила их скатерти. Мне кажется, что именно приятие, сочувствие этим женщинам, натолкнуло меня на мысль написать книгу о семье, о тех людях, которые были здесь до меня, ударились макушками о низкие косяки, просыпались от шума дождя по крыше, баюкали детей, пели, праздновали, но и горевали, переживали революцию, ждали писем с фронта, боялись продрозверстки и прятались от немцев.

События, которые произошли в Бернове и в этом доме в первой половине XX века, захватили мое воображение. Я попыталась скрупулезно, максимально достоверно восстановить их в моей книге: переписывалась с историками, собирала воспоминания, изучала архивы и старые письма. Но несмотря на то, что и помещик Вульф, и управляющий Сандальнев, и безграмотная крестьянка Бочкова существовали на самом деле, личная история Катерины – не более, чем смешение многих семейных притч, услышанных мной во время написания книги и задолго до этого. Однажды эти истории сложились в одну – о простой русской женщине с ее бедами и радостями. Так получилась книга «На берегу Тьмы».

Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине...

(1 Кор. 13:4–6)

Глава 1

В полночь на улице раздался невообразимый шум. Грохот и лязг металла сопровождались криками и воплями. Село не спало, но ни одна живая душа не смела выглянуть в окно. Даже собаки от греха подальше были заперты во дворах заботливыми хозяевами.

На тревожном небе показалась бледная луна и на мгновение осветила шествие косматых женщин в белых рубахах.

Впереди молоденькая девушка молча несла темную икону святого Власия. В центре нагая старуха с хомутом на дряблой шее тащила соху. Женщины, которые только что заботливой рукой поправляли одеяла на спящих детях, качали зыбки и пели колыбельные, беснуясь, били в сковороды, неистово гремели чугунками и яростно стучали косами.

Одна из женщин, ядреная, грудастая, протяжно затынула: «Святой Боже, Святой Крепкий, Святой Безсмертный, помилуй нас...» Как только она пропела в третий раз, другие истуупленно заголосили:

«Смерть, выйди вон! Три вдовушки молоды, четыре замужних, девять девок рядовых! Мы запашем, заскородим, помелами заметем, кочергами загребем, топорами изрубим, косами скосим, ножиком зарежем, цепом измолотим. Секи, руби смерть коровью, вот она! Вот она! Сгинь, пропади, черная немочь! Запашу, заколю, зарублю, загребу, засеку, замету! Секи, руби! Здесь смерть! Вот она! Бей ее!»

Женщины, готовые убить каждого, кто попадется на пути, проклинали смерть.

Ярмарочная площадь пестрела красками и гудела. Толпа разряженных крестьян колыхалась, как нескошенное разнотравье от порывов ветра. Весь уезд собрался в Бернове на открытие памятника Александру II.

Упав на колени на давно не выдавшую дождей землю, пришлые и приезжие подхватили «со святыми упокой». Бабы уголками цветных платков размазывали по пыльным щекам слезы, а мужики, не смущаясь, сморкались прямо на землю. Дети, не чувствуя еще благоговения и не замечая шиканья взрослых, весело крутились вокруг телег, жевали привезенный с собой хлеб и горланили.

Наконец певчие затынули «Спаси, Господи, люди Твоя», и народ с хоругвями торжественно двинулся к укрытому белым покрывалом памятнику. Хоругви несли трое ветхих стариков, которые на себе испытали крепостное право, а икону Александра Невского – молодой ветеран, служивший при жизни Александра II во дворце.

Земский начальник, выдержав приличествующую моменту паузу, с гордым видом взрзал веревки – и белое полотно потекло, запузырилось и наконец соскользнуло. Перед народом предстал величественный монумент Александра II в мундире с погонями. Радостный гул прокатился по толпе. Те немногие, кто знал грамоту, могли прочесть на высоком постаменте надпись: «Государь Император Самодержец Всероссийский Александр II Царь – Освободитель». Ниже был выбит гербовый двуглавый орел, а под ним – заключительный абзац из манифеста об освобождении крестьян. Площадь накрыло оглушительным «Ура!!!», и тут же грянуло: «Боже, Царя храни».

Николай и Павел Вольфы наблюдали за торжеством издалека, стоя на пригорке под раскидистыми ветвями сосны.

Их покойный отец Иван Иванович, будучи русским дворянином, происходил из старинного немецкого рода. Однако никто из Вольфов не дослужился до больших чинов, не женился на знатных и не имел богатых поместий. Усадьбу в Курово-Покровском Иван Иванович еще при жизни отделил старшему сыну Павлу, а Берново досталось Николаю.

– А вроде бы и хорош памятник, – прищурившись, сказал младший Вольф. Он до последнего не верил, что торжество, организованное безалаберным комитетом, все-таки состоится.

– Хм, а где заказали? – больше для проформы поинтересовался Павел. Он беспокоился об обеде, который в это время готовила кухарка, – как бы не остыл.

– В Петербурге, на заводе Новицкого. – Член Старицкой уездной земской управы Николай волей-неволей знал все подробности.

– Невероятно! Сами? Крестьяне сами заказали памятник в Петербурге?

– Так ведь пятьдесят лет с отмены крепостного права. Надумали праздновать, а там уж идея с памятниками, как водится, подоспела. Вот и в нашей волости созвали комитет, собирали деньги по дворам. Можешь себе представить.

– И много?

– Сто пятьдесят рублей набрали. Но говорят, что и силой выколачивали. Деньги-то для крестьян немалые.

– Н-да. Дело жизненно важное: памятник! Хлеб с лебедой поедят – не привыкать, – хмыкнул Павел. – А что за материал?

– Цинк, покрытый бронзой.

– Ха, а крестьяне хвастают, что чистая бронза.

– За сто пятьдесят рублей? – покачал головой Николай. – Штампуют чуть ли не сотню за день! Несколько тысяч уже нагромодили по всей России. Вот и у нас теперь стоит.

– Да лучше бы на что-то полезное потратили, честное слово. Так ведь нет. А они у памятника лбы себе разбивают. Патриоты.

– Дворяне, Паша, им больше не указ. Сами заработали – сами и потратят. Тысяча девятьсот двенадцатый год на дворе! Крестьян теперь не меняют на борзых щенков, не избивают до полусмерти розгами – ты и сам знаешь, до чего порой доходило. За людей не держали. А я воевал бок о бок с такими, что сейчас на площади на коленях стоят, и скажу – многие из них по смелости и отчаянности иных офицеров превосходят. Так что да, патриоты.

Павел некстати вспомнил про домашнюю наливку, которая ожидала его в погребе, и нервно сунул дрожащие руки в карманы:

– Да я разве за крепостное право? Я разве против царя? Меня памятник этот удивляет, честное слово. Размах. Многие последнюю копейку, как ты сам говоришь, отдали.

Николай рассмеялся и обнял брата:

– Это в тебе, Паша, немецкая кровь говорит. А у русских – гулять так гулять, пусть и на последнее.

Довольные праздником крестьяне не разъезжались еще три дня. А в «Епархиальных ведомостях» вышла статья на несколько страниц, чего со Старицким уездом никогда еще не случилось.

Накануне Успения с полей убирали рыжий длинноусый овес, а в воскресенье, как и положено, отдохали. Лето выдалось грибное, и Федор, расплевавшись и с женой, и с матерью, решил отправиться на дальние Коробинские болота: «Эти бабы! В ногах путаются только!»

Он хорошо знал лес: еще отчим места показывал. С тех пор мешками грибы таскал, а бабы только и успевали солить, сушить и жарить. В хорошие годы возили в Старицу на базар. Там Федор Дуську, будущую жену, и увидел.

Сегодня Федор встал, как всегда, засветло, накинул старый замызганный сартенник¹, обернул ноги суконками² – и в лапти, сапоги жалел. Прихватив латаный холщовый мешок, торопливо приник к бутылке, припрятанной в поленнице, и поспешил в лес. Позвал с собой

---

¹ Легкий кафтан.

² Лоскутами сукна.

старшую дочь, Катерину. Чужих за грибами обычно не брали, чтобы места не заприметили, а если и случалось идти с кем-то, долго ходили кругами, путали.

Коробинское болото каждый год жадно затягивало беспечный заблудившийся скот, не брезгуя по случаю и людьми. Пожары на гиблой трясины не прекращались ни зимой, ни летом. Но делать нечего: грибные места вокруг Дмитрова давно уже выбрали более поворотливые непьющие соседи.

Катерина, набрав полную корзину белых, присела отдохнуть и вдруг услышала за деревьями лай собаки. Побежала на голос и оторопела: в темной болотной воде барахтался человек. Увяз крепко. Его собака вилась рядом, лаяла, не в силах помочь хозяину. Катерина бросила корзину и наклонила робкую березку, которая росла у самой трясины:

– Давай, миленький, держись!

Но деревце оказалось хилым, молодые ветки обрывались. Человек стал еще больше тонуть – вот уже скрылся в зеленоватой от ряски воде по шею, беспомощно протягивая руки и пытаясь ухватиться за ветки потолще.

Катерина в ужасе закричала:

– Па-а-а-пка-а-а!

Но Федор не отзывался. Катерина осмотрелась и увидела ольху, не слишком хлипкую, подходящую. Попыталась наклонить ее, но не смогла – дерево непокорно пружинило и не давалось: еще, мол, чего удумала! Мокрая собака путалась под ногами, металась, заходила от лая. Катерина торопливо подпилила дерево у корня острым отцовским ножом, навалилась всем телом на ствол – тот со старческим скрипом подломился и рухнул в болото. Незнакомец, тяжело дыша, уцепился за ветки, но сил карабкаться у него уже не осталось. Катерина снова стала звать отца.

На этот раз Федор услышал. Мужчину он узнал сразу: это же Вольф из Бернова! Подобрался ближе, перескакивая с кочки на кочку, и, держась за ольху, схватил несчастного за руку, рванул изо всех сил и вытащил.

Николай, мокрый, грязный и обессиленный, повалился на пропитанную влагой, уже чующую осень, траву. Собака зашла лаем, подбежала и стала радостно носиться вокруг хозяина, лизать его лицо и руки. Он улыбнулся и ласково потрепал ее за шею, приговаривая: «Берта, Берта...» Успокоив собаку, отдышавшись, Николай подозвал спасителей:

– Благодарю. От всего сердца. Вы откуда будете?

– Из Дмитрова. Федор Бочков. А это дочка моя старшая, Катерина.

– Вольф, Николай Иванович. – Николай обтер грязную руку о мокрую одежду – поздоровались.

Катерина с удивлением, не в силах скрыть свое любопытство, рассматривала спасенного человека: никогда не встречала помещиков.

– Да признал я вас, барин. Все деревни в округе вашими были – от Бернова до Курово-Покровского.

– Что же, времена теперь другие. Мое да не мое – не так, как у деда прежде.

– Да уж, слышали – дед-то ваш лихой был, что уж говорить.

Федор осмелел, присел на корточки, достал табачок, скрутил папироску и смачно затянулся:

– Как же вас, ваше высокородие, занесло-то сюда?

– На бекасов и коростелей охотился. Да как-то заплутал.

– И где ж ваши бекасы-то, ваше высокородие?

– А вон. – Николай указал на едва заметную тропинку рядом с трясиной – и правда, там распластался десяток настрелянных бекасов. – Ружье утонуло, жалко, отцовское.

Федор подобрал птицу:

– Ну, держи, ваше высокородие. – Он, громко вздыхая и посматривая на Вольфа, в нерешительности топтался рядом. Хотелось и грибов успеть набрать, и награду какую-нибудь получить.

Наконец Николай сказал:

– Выведите из болота. Тут где-то лошадь у меня...

Федор засеменял по тропинке, показывая дорогу.

Катерина радовалась, что барин пошел с ними: интересно было рассмотреть его и послушать, как он говорил – совсем не так, как деревенские мужики, чудно.

– Так что, ваше высокородие, – сплюнул Федор, – мало вам охоты под Москвином-то? Там болота-то не такие, как здесь, не топкие, птицы много – ходи себе стреляй от души. Не иначе бес попутал?

– Твоя правда, – рассмеялся Николай. – Ночевал у матери в Малинниках. Хотел по округе пострелять, а там пусто. Поехал под Дарьино. Привязал лошадь на опушке, пошел по болоту. Десяток настрелял – и вдруг провалился, начисто увяз. Даже сам не понял как. Хорошо, собака стала лаять – дочь твоя услышала, спасибо ей.

– Да, свезло вам, барин, – удовлетворенно закричал Федор.

– Вот что, близко ли Дмитрово твое?

– Да версты две всего, пожалуй, напрямки-то.

– Ты отведи меня к себе обсушиться, а то как бы мне не слечь, – попросил Николай. – А я тебя отблагодарю.

Когда Николай добрался до Дмитрова, его залихорадило. Лошадь осталась на другом краю трясины, и, чтобы успеть до темноты, пока гнедую не сожрали волки, Федор поспешил обратно в лес.

Дома у Бочковых никого еще не было – набожная бабка Марфа не разрешала уходить с литургии до отпуста³.

Бочковых в деревне считали слишком гордыми, хоть и жили они небогато: полторы десятины земли, лошадь, корова и две свиньи. Большину⁴ держала вдовья бабка Марфа, все в деревне ее звали Бочихой. Рано осиротевшую, ее взяла в дом помещица Ртищева из Торжокского уезда и дала образование. А в тринадцать лет Марфу испортил муж помещицы – такого был горячего темперамента, что не пропускал ни одной юбки как в самом имении, так и в округе. Ни для кого похождения барина не были тайной: девки боялись его как огня. Не знала обо всем, как часто бывает, только сама помещица. Марфа в слезах сразу же прибежала жаловаться, но барыня сначала не поверила, а потом обвинила: «Нечего было хвостом вертеть».

Чтобы избежать пересудов и скрыть беременность, Марфу отправили трудницей⁵ в Воскресенский женский монастырь, в Торжок, за тридцать верст. Там она научилась вышивать и шить: торжокские золотошвеи славились на всю Россию. Родила Федора, а через несколько лет вышла замуж в Дмитрове – вдовец Осип приметил ее в монастыре, куда приехал на богомолье. Жили хорошо, родили еще детей, но остались только Антонина и Мотя. Осип рано умер, и семью пришлось поднимать самой. Старуха Ртищева отыскала Марфу уже перед своей смертью, приезжала в Дмитрово, каялась – муж всех девок в округе «перетоптал», а теперь уже умер. Марфа не простила, но деньги все же взяла.

Вот и сейчас Бочковы выживали благодаря бабке. Несмотря на старость и плохое зрение, шила наряды, правда, теперь уже не золотом, как когда-то при монастыре, а обыкновенными нитками. За платья, поддевы, рубахи и полотенца хорошо платили: кто муки притащит,

---

³ До окончания богослужения.

⁴ Большинá – старшинство, власть. Держать большину – быть хозяином.

⁵ Работницей.

кто – зерна, отрез полотна или сахарную голову, а некоторые и деньгами благодарили. Иногда приезжали из самой Старицы. Если бы Федор деньги не пропивал и в долг не брал, жили бы припеваючи за счет этих заказов – «бабкина доля», как их в семье называли. Все понимали, что в неурожайные годы только благодаря бабке Марфе хлеб с лебедой не ели. Вот и невестка Дуська лишний раз фыркнуть не смела.

Марфа жалела сына. Денег на опохмел всегда давала: «Что ж он, виноват, что доля у него такая выпала?» Федор ее беззаветно любил, почитал и слушался. Как только Дуська против матери что-то говорила – с молчаливого согласия Марфы стегал жену вожжами: «Что ж она буди мать обижать-то?»

Федора называли Барчуком. За глаза, конечно: пьяный злым становился, как сыч, кричал соседям: «Да ты знаешь, кто я такой?» Таскал жену за косы через порог и рогачом по бокам колотил. Дуська причитала: «Ай, ирод проклятый, рогач не сломай! Мать убьет – чем горшки в печь ставить будет?!» Но с возрастом засовестился, да и силы уже не те стали.

По Дмитрову Дуська ходила не Бочихой, а Ляшкой. Родом из переселившихся под Ржев поляков, но православная. Деньги носила при себе, пришпиленные булавкой под цветастым подолом, – боялась, чтобы Федор не прихватил, и не зря: он то на другое дело выпросит и пропьет, то сам прихватит, пока она в бане моется. На следующее утро, трезвый и размякший, обычно падал на колени, плакал навзрыд и крестился: «Прости, Христа ради-то! Только никому не говори, не позорь перед людьми-то!» Но и Дуська в долгу не оставалась – вытаскивала у пьяного деньги из сапога, пока спал. Марфа невестку недолюбливала: уж больно на язык была остра и Федором тайком руководила против материной воли. Ну что ж – ночная кукушка дневную всегда перекукует.

Старшего сына Федора и Дуськи, Игната, убили в Японскую. Еще трое умерли во младенчестве: последний выпал из люльки на пол – закачали дети, одного Дуська «заспала», за что получила от батюшки епитимью: сорок поклонов и сорок раз «Отче наш» на сорок дней, а первая девочка объелась огурцов и запоносила – «Бог дал – Бог взял». Больше Дуська не рожала: «золотник⁶ опустился так, что не вправишь». Осталось трое: Катерина, Глаша и Тимофей. Черты склочных и ленивых родителей передались младшим детям Бочковых, Катерина же своим трудолюбием и благоразумием пошла в бабку.

Вернувшись из леса, Катерина без разрешения Марфы принялась по-своему хлопотать по дому: усадила помещика, мигом затопила печь, поставила самовар и начала чистить и жарить грибы, которые успела собрать.

Усталый Николай, сидя на конике⁷, попытался стащить чудом уцелевшие охотничьи сапоги. Намокшие, они мертвой хваткой вцепились в голени, словно опасаясь потерять хозяйина. Катерина, давно привыкшая разувать пьяного отца, с улыбкой подошла и запросто опустилась перед Николаем на колени:

– Давайте подсоблю.

– Ну подсоби, коли не шутишь, – усмехнулся Николай.

Ее тонкие руки легко обхватили пятку сапога. Изумленный этим неожиданно мягким прикосновением и заботой, Николай не мог отвести взгляд от ровного, загорелого лица Катерины с решительным подбородком, и особенно от ее глаз, голубых, с коричневыми крапинками. Из-под простого платка ее, который Катерина постоянно поправляла, выбивались русые пряди. Длинная, ниже пояса, коса всюду следовала за ней послушным веселым щенком. От этой еще девочки необъяснимым образом исходило такое магическое спокойствие, тепло и домашний уют, что захотелось сейчас же уткнуться головой ей в колени, чтобы по-материн-

---

⁶ Матка.

⁷ На скамье.

ски обняла, рассказать все-все, что гложет, что не дает покоя уже давно, вот уже несколько лет, с самой женитьбы. «Она непременно поймет, именно она – никто другой», – подумал Николай.

Нисколько не смутившись, не замечая взгляда Николая, Катерина ловко стащила один сапог за другим и поставила их сушиться рядом с растопленной печкой. Там же разложила промокший и пропахший тинной китель.

– Ну и смелая же ты – не растерялась, дерево наклонила. Если бы вовремя не подоспела, не сидеть мне здесь.

– Да что теряться? Делай, что надо, – и все.

– Ты одна у Федора? – спросил Николай. Ему захотелось больше узнать о Катерине, о ее жизни здесь.

– Еще Глашка и Тимофей – я старшая. – Катерина легким движением достала рогачом сковороду и, встряхнув, переженила светлицу картошку со смуглыми грибами и отправила обратно в печь. – Ох и достанется мне от бабушки, что сама без спроса печь затопила.

– Ничего, тебе отец велел. Да и случай исключительный – спасла меня из болота, а теперь от холода.

– И то правда, замерзли вы. Страшно было? – Катерина участливо стала доливать чай из самовара. Принесла пахучий золотой мед в горшке, прикрытом промасленной бумагой и обвязанном у горловины растрепанной, в узелках, веревкой.

– Да я смерти не боюсь, – признался Николай. – Никогда ничего не боялся, даже когда воевал в Японскую. А сегодня, в болоте, как будто схватил кто-то и тянет вниз. Что же, видимо, судьба моя такая – только и успел так подумать.

– Правда? – И без того большие глаза Катерины от страха стали огромными.

Николай не мог отвести взгляд и любовался ею. Стало вдруг душно, в горле пересохло.

– Вот те крест! – Не сильно набожный Николай истово перекрестился на деревенский манер на иконы в красном углу: ему вдруг захотелось приблизиться к ней, говорить как она. – Грамотная ли ты, Катерина?

Катерина замялась и вернулась обратно к печи:

– Бабушка и папка грамотные, а я – нет.

– Отчего же так?

– Бабушка говорит, нечего – замуж никто не возьмет, коли шибко умная буду, – так и не научила. А в школу нет возможности ходить – надо матери помогать, детей поднимать, – со вздохом ответила Катерина.

– А жених у тебя есть?

Катерина смущенно махнула рукой:

– Что вы! Рано мне, да и бабушка строгая – на вечерины не пускает. Говорит, настоящий жених сам найдется и сватать придет.

– Да, такую красавицу подавно! Мигом засватают, не сомневайся, – сказал Николай, а сам подумал: «Что же такое со мной? Как околдовала!»

– Как Бог даст. Не мне решать.

– А хотелось ли тебе учиться? Читать? Писать?

– Очень хотела бы, но – как папка и бабушка велят – свою волюшку не сказывай.

Николай следил за тонкой девичьей фигуркой, то и дело мелькавшей у него перед глазами, и думал: «Бедная ты, бедная, покоряешься чужой воле, но иначе ведь тебе и невозможно...»

Зоркая Дуська, вернувшись домой раньше свекрови и детей, сразу заметила, как цепко Николай наблюдал за Катериной: «Ах, будь ты неладен – понравилась моя девка!» Всегда прижимистая и неприветливая, Дуська вдруг засуетилась:

– Неси чарку, Катька. Барину сугреться надобно, или что!

Самогон в доме не держали – Федор, словно обученная борзая, все находил и выпивал. Гнали, пока Федор на делянке работал, и относили к сестре, которая жила через несколько домов, – Мотин муж-эпилептик в рот ни капли не брал. Самогон был необходим в хозяйстве: в праздник водку не нужно было покупать, и с работниками, если семьей не справлялись, можно было расплатиться. Была у Федора с Дуськой будто ловля рыбы «на перетяг»: хитрая баба старалась получше самогон спрятать, а Федор – найти, да так, чтобы не сразу заметили. Как-то раз Дуська настояла мухоморы, чтобы спину себе растирать, – и то выпил, не побоялся.

Катерина послушно принесла запотевшую бутылку и с поклоном поднесла чарку барину:
– Будьте здоровы!

Николай, не отрывая от Катерины взгляда, ухнул полную. Налила еще – снова выпил, повеселел:

– Еще!

– Ой, что вы, хмельной будете! – забеспокоилась Катерина. – Вы закусите – вот грибочки солененькие, а сейчас жареные подспеют.

– Да я и без того хмельной.

Не замечая его пристального внимания, Катерина вернулась к печи и водрузила на стол глиняное, с щербинками, блюдо с картошкой и грибами, щедро сдобрив кушанье густой желтоватой сметаной и укропом. Подала столовый прибор.

– А это откуда у вас? – изумился Николай.

– Бабушка у барыни в молодости жила, вот и прибор сберегла – это подарок ей был.

По праздникам так накрываем – она велит.

– Да, непростая ты девушка, Катерина, непростая.

– Что вы, как все, так и я.

– А что, барин, может, баньку истопить-то? – услужливо вмешалась Дуська. – Косточки погреете? Это я мигом, или что?

Николай заерзал: и рад был бы задержаться, побыть подольше с Катериной, но знал, что мать в Малинниках тревожится за него, любимого Николу.

– Нет, не могу. Как только Федор кобылу пригонит, поеду домой.

– Ну то смотрите, как бы не расхвораться вам, барин, – не теряла надежды Дуська.

Катерина, ее грация, плавные движения и спокойная речь не отпускали Николая. Его бросало то в жар, то в холод. Что-то все-таки было особенное в этой девушке. «Что с тобой? Опомнись! Она же совсем девочка! Вспомни про честь, ты – дворянин!» – убеждал себя Николай. Но ничего не получалось: каждый жест, каждая ее черточка намертво вбивались в память. Николаю захотелось встать и прикоснуться к ней, обнять за хрупкие плечи, расплести длинную косу и поцеловать. Целовать, целовать так долго, чтобы не хватало дыхания, чтобы саднило губы, не выпускать ее из объятий.

На покосившемся крыльце шумно застучал-затопал Федор, застонала проржавелыми петлями дверь, приветствуя нерадивого хозяина.

– Привел, барин, кобылку-то вашу. Насилу нашел. Далекое ж вы в болото-то забрались!

Николай встал:

– Ну спасибо, Федор, выручил ты меня.

– Чего там, ваше высокородие! Кто друг другу помогает – тот врага одолевает.

Николай подумал, что вот сейчас уйдет, а Катерина останется здесь. И ничего из того, что только что представлял, не случится. «Можно было бы иногда заезжать сюда, но не часто – иначе разговоров не избежать. А потом вечно пьяный муж будет поколачивать ее, она нарожает детей, разбавится и рано состарится, как мать».

«Все, не могу отпустить ее! Будь что будет!» – решил Николай:

– Вот что, Федор, я тут подумал – не хочешь ли ко мне в Берново свою дочку в няньки отправить? Наша старая Никитична померла недавно.

– Это ж которую-то?

– Да вот хоть эту – Катерину. Вижу, что девушка она работающая, сообразительная, за младшими присматривать привыкла.

– Сын-то старший в Японскую погиб, – пожаловался Федор. – Осталось трое.

– Жалованье платить буду – двадцать рублей в месяц. Подумай...

– Не знаю, справимся без нее-то? – Федор задумался: старшая дочь сильно помогала по хозяйству. Но деньги были большие – аж двадцать рублей. Тем более что скоро предстояла зима – из работы оставалось разве что прясть. Марфы дома не было – с сомнением посмотрел на Дуську: – Ну, как мать скажет.

Дуська только и ждала этого момента, засуетилась, знала: придет бабка Марфа и ни за что внучку не отпустит. Надо было действовать быстрее:

– Справимся, или что! Согласны мы, барин. Дети малые, кормить нечем. Спасибо, барин.

– Когда отправлять-то ее, ваше высокородие? – подхватил с облегчением Федор. Ему нравилось, когда ему говорили, как поступить. Не было Марфы – так и Дуська годилась в советчицы. Если получалось хорошо – никогда не признавал, что это бабы подсказали дельную мысль. А если плохо – было с кого спросить.

– Да сразу после Успения. Я в четверг повозку пришлю, – предложил Николай.

Поднялся, припечатал на стол золотую монету, еще раз оглянулся на Катерину и вышел на крыльцо.

Катерина испугалась, что вот так, неожиданно и бесповоротно, без ее участия, решила судьба. Бросилась к родителям:

– Ах, мама, папка! Как же я без вас, к чужим людям? Не отдавайте меня! В чем я виновата, папка?

Федор отмахнулся, сгреб монету, пока бабы не отняли, и засеменял провожать барина:

– Бекасы-то, ваше высокородие, а, барин?

– Себе оставьте – пусть дочь сготовит.

Мать обняла Катерину и тихо сказала, когда Федор и Николай уже не могли их слышать:

– Дурка ты, не понимаешь ничо. Поспишь мягко, поешь сладко. Да и денег заработаешь, уму-разуму научишься. Потом спасибо скажешь.

Бабка Марфа вернулась с утренней последней и узнала все новости от Катерины. Дуськи рядом не было – отняв у Федора золотой, сразу же побежала тратить. Ошарашенная бледная бабка села на лавку.

Федор с довольным видом зашел в дом:

– Ты чего, мать?

Марфа кинулась к нему. Подумала: если вернется Дуська – вмешается, только хуже будет. Не теряя времени, запричитала:

– Не отдавай Катерину, сыно-о-о-к, Христом Богом тебя молю-у-у-у! Что ты удума-а-а-л! – И повалилась перед ним на колени, обхватив его ноги цепкими руками.

– Молчи, мать. Я решил, – отмахнулся Федор от матери, как от назойливой мухи.

Катерина, испуганная причитаниями бабки, оторопела.

– Сам знаешь, что бывает, тебе ли не зна-а-ать. Не губи Катьку. Пожалей свою кровиночку-у-у! Это Дуська, змея, тебя надоумила-а-а-а! – продолжала выть Марфа.

– Я большак⁸, я сказал. Все! – окончательно вышел из себя Федор, освободился от матери и выскочил на улицу. С утра очень хотелось как следует выпить, думал справиться до прихода баб, чтобы лишний раз не зудели, и успеть протрезвиться, а пока за кобылой ходил – не успел.

---

⁸ Хозяин.

«Эх, бабы!» – со злостью сплюнул он на дорогу и пошел к соседу, деду Комару, – у того всегда было что выпить.

Бабка Марфа хорошо знала сына: как упрется – спорить было бесполезно, хоть убейся. Особенно когда трезвый был. Села выть на лавке: «Ох, не сберегла, не сберегла!»

Катерина брала воду из низкого, с замшелой крышкой колодца, как вдруг из-за поворота показался всадник на вороной взмыленной лошади.

– Далеко ли тут до Бернова, девочка?

Катерина смутилась и покраснела. Она была босой, в старом цветном сарафане и в выцветшем материнском платочке. Стало стыдно, что так просто одета, а еще что ее называли девочкой в шестнадцать лет. Хотела было бежать в избу, но все же совладала с собой:

– Недалеко – пятнадцать верст. Только в Красное вернуться надо.

– А эта деревня как называется, милая?

– Дмитрово, – застенчиво пробормотала Катерина. Что-то в незнакомце взволновало ее, всегда спокойную. Он был молодым, одетым на городской манер. Его вьющиеся волосы, растрепанные от быстрой езды, отливали медью на солнце.

– Дмитровó ... – протяжно, на чужой, не тверской манер повторил незнакомец. – А зовут тебя как?

– Катерина. Катерина Бочкова.

– Катерина... – медленно повторил мужчина, и в том, как он произнес ее имя, прозвучало что-то особенное, нежное. – А я Александр.

Всадник наклонился с лошади и подал ей руку. Его серые глаза, показавшиеся вначале холодными и пронзительными, мгновенно смягчились, став серо-голубыми.

Катерина едва-едва, кончиками пальцев, пожалала руку Александра. От смущения теребила косу: не знала, что сказать и как вести себя с ним. Такими в ее воображении представлялись царевичи из сказок бабки Марфы, но ведь то были сказки. Или он ей снился?

– А ты проводи-ка меня до развилки, чтобы я дорогой не ошибся.

Оставив полные ведра на мокрой, потемневшей от сырости скамейке, Катерина оторвала листы лопуха с бархатистой мягкой изнанкой и накрыла воду, чтобы мошек и листьев не нападало.

Александр спешил, взял под уздцы лошадь и пошел рядом с Катериной.

– А я к Вольфам еду. В Берново.

– Вы родственник их, барин? – на секунду осмелев, спросила Катерина. Сердце ее забило чаще: «Как совпало – я ведь тоже скоро буду в Бернове». Но произнести это вслух не решилась.

– Какой же я барин? Я из новгородских купцов. Сейчас из Москвы еду, учусь там – отец за университет большие деньги заплатил.

При этих словах, как показалось Катерине, Александр загрустил и задумался.

– А что – не нравлюсь, раз не барин?

– Что вы! Бог с вами! – смутилась Катерина.

Так дошли до развилки. Александр мял в руках повод.

– Ну, встретимся еще, Катерина, – наконец сказал он. – Уж я точно постараюсь. Жаль мне расставаться с тобой... Но должен к обеду в Берново успеть. Прощай, милая.

Александр, заскрипев стремями, ловко вскочил на лошадь, взмахнул хлыстиком и помчался в сторону Красного, оставляя четкие полукружья на пыльной разгоряченной земле. Катерина провожала Александра взглядом, пока он не скрылся за поворотом. Как и не было его. Отчего-то захотелось плакать, сердце больно защемило. Катерине показалось, будто она прикоснулась к чему-то неведомому, сказочному, недоступному. Но нужно было оставлять мечты и возвращаться к колодцу, помогать бабке, которая уже заждалась воды.

Управившись по хозяйству, Катерина с Глашей сидели на крылечке. Поздний августовский вечер уже обволок холодной росой все кусты в палисаднике, окропил все дорожки у дома и подобрался к крыльцу, тихонько и старательно вышлепывая влажными пятками его скрипучие ступени.

Вдалеке слышалась протяжная песня – дмитровская молодежь пела «на круге»⁹: «Уродилась я, эх, девушкой красивой, эх, я красива, да бедна, плохо я одета, никто замуж не берет девушку за это...»

Марфа внучек «на круг» не пускала: «Малые еще, знаю я, что там делается!» Как ни просили, как ни уговаривали бабку – ни в какую. Федор в эти дела не лез, а Дуська вмешиваться не смела.

Сестры, обнявшись, задумчиво смотрели на звездопад – надо было успеть загадать желание и три раза «зааминить»: «аминь, аминь, аминь» – тогда оно обязательно должно было сбыться. Катерина вдруг решила и загадала то, что тревожило ее и в чем она не хотела сама себе признаться: «Пусть посватается жених, такой как Александр». С самой их встречи у колодца он не шел у нее из головы. Сомневалась, не приснились ли ей кудри с медным отливом, приезжал ли он в Дмитрово, говорил ли с ней. Пока задумывала, звезда прытко скатилась по небосклону в невидимую щель и потухла. «Ах, не успела – не сбудется!» И сразу стало стыдно: «В чужие сани не садись – где ты, а где он!»

Катерина заплакала:

– Ох и страшно мне, Глаша. У чужих людей жить, никто не пожалеет, не приголубит. Как я там совсем одна, без вас?

– Что ты! А здесь тебя много кто жалеет и голубит? Мать вечно как змея шипит – все ей не так. А папка пьяный – не просыхает, – совсем по-взрослому рассуждала четырнадцатилетняя Глаша.

– Ты да бабка еще... Но все равно свои, хоть и строгие.

– Что ты, ты счастливая – посмотришь, как богатые живут!

– А бабка сказывала, что в усадьбе зеркала большие, от земли до неба – вот такие! – развела руками Катерина. – И отдельная зала, чтобы танцевать. Неужто такое бывает?

– Что ты! Сыта будешь, в теплом да на мягком спать – полати там уж, поди, поширше наших. Работа, вишь ты, непыльная. Вот бы мне так свезло!

Так и разговаривали, пока Марфа домой спать не позвала – завтра рано вставать надо было.

За два дня до Успения бабы с ранней зари «бросали» лен – отделяли вызревшие шепотливые коробочки с льяным семенем от длинных, с зазубринами хмурых стеблей. Стояли последние августовские солнечные дни – надо было торопиться, чтобы управиться до осенних дождей.

Прямо на льнище раскинули препон – кусок серого грубого полотна, на него водрузили большой деревянный гребень, который Федор заранее притащил со двора.

Дуська и Марфа встали по обе стороны гребня и начали по очереди перетаскивать через него стебли, отделяя «колоколки», которые падали на препон.

Семя собирали в холщовые мешки, увозили и сушили в доме, затем обмолачивали и «катили» – отделяли на цепком осеннем ветру от шелухи, а потом берегли до следующей посевной или делали масло, которое, постояв, начинало пахнуть рыбой.

Освобожденные от семян, онемевшие без «колоколок» стебли откладывали в сторону. Катерина и Глаша подхватывали их и связывали жгутами в небольшие грустно-серые снопы,

---

⁹ На молодежном гулянье.

которые составляли в «бабки» по семь штук. Дальше лен надо было просушить на освобожденном от посевов, отдыхающем поле, вымочить в холодной буровой Тьме, разостлать по росистому лугу, досушить, мять, трепать и чесать в пыльном овине, и наконец можно было прясть в теплой избе – словом, работа предстояла еще долгая.

Бабку Марфу особенно волновало полотно, часть которого должна была пойти на продажу, а остальное – на приданое внукам. Она морщилась и покрикивала на Дуську, чтобы не портила стебли:

– Не жми так, заламаешь!

– Не заламаю.

– Знаю я – не заламаешь. Насквозь тебя вижу! – закипала бабка Марфа.

– А то и смотри – что мне скрывать-то?

– Думаешь, я не знаю, что ты, хитрая стерва, с Катькой придумавши? – не сдержалась бабка.

– Чаво придумавши? Ничаво не придумавши, – отнекивалась Дуська, заранее решив ни в чем не признаваться.

– А я думаю, под барина ты ее подложить решивши, – сразу перешла в наступление Марфа, благо внучки отошли ставить снопы в «бабку» и не могли услышать.

– Ничаво я не решивши. Глупости выдумываешь! Поработает и вернется.

– А что, как приплод будет? – не унималась Марфа.

– Вона Федор твой такой приплод, и ничаво – семью прижил, дети ладные, или что, жена – Бога уж не гневи – вона, в церкву почем зря ходишь! – нажала на больное невестка.

– Так ее ж замуж никто потом не возьмет, дурья твоя башка! Вековухой на всю жизнь останется.

– И что? – продолжала огрызаться Дуська, срывая руками «колоколки». – С нами жить будет, помогать. Все равно приданого большого за ней нету, а все ж лишние руки в хозяйстве, пока Тимофей не женится, или что. Глашку-то легче замуж отдать, она сильно носом, как Катька, крутить не будет. А с барина еще, глядишь, и денег возьмем. Помощь немалая!

– Дура ты, дура. Девку свою не жалеешь, – срывающимся голосом начала было причитать Марфа.

– Ты вона живая после того осталась. Федор барину сказал – сам так решил. Я тут что? – отбрехала Дуська и пошла помогать укладывать снопы.

Марфа от бессилия заплакала. «Силы уж не те. Глаза негожие. Давно б передала большую Дуське, но за девок страшно, не за себя. Никого она жалеть не станет – все у ней расчет. И Феденьку, сыночка, запилит. Одно слово – Ляшка. Эх, надо идти к Моте жить – все ж при дочери лучше будет».

Хоть и умаялись за день на льне, к вечеру Марфа с Катериной отправились домой пораньше – шить свадебный платок и молодкино¹⁰ платье. Бабка взялась за работу, несмотря на пост: за срочность ей обещали сработать пару сапог из козловой кожи. Дело было выгодным, и нужно было закончить до отъезда внушки.

Обычно все свадьбы справлялись на мясоеда, иногда на Красную горку, но вдруг обнаружилось, что соседская Клавка забеременела во время сенокоса от парня из Браткова. Заметили поздно – у многих девок и баб от тяжелой работы и жары летом пропадали месячные. Повезло, что будущий жених не отказался, хоть и поломался немного. Но как тут было упираться? Отец Клавки, сапожник, не только одежду – денег за дочь давал много, учитывая обстоятельства. Клавка ходила счастливая – парень ей давно уже по сердцу пришелся, веселый был и на гармонике хорошо играл.

---

¹⁰ Молодка – замужняя, но еще не рожавшая женщина.

Девушки в деревне делились по возрастам на три артели: младшая – с восьми до тринадцати лет, средняя – с тринадцати до семнадцати и старшая – от семнадцати лет до замужества. Замуж обычно выходили из старшей артели, а Клавка принадлежала средней, только через год ее могли сватать. К тому же старшая сестра еще жила у родителей. Только удалось уговорить жениха, как невеста затребовала вышитый узором платок на свадьбу и цветное молодкино платье: «Пусть и брюхатая, а уважение имейте, а то взамуж не пойду – с вами жить останусь». Пытались вразумить, но Клавка разошлась: «Со свету себя сживу – ваш грех будет». Родители не захотели позориться, согласились и пообещали дочери все, о чем она просила. Свадьбу решили играть сразу после Успенского поста.

Катерина уже к тринадцати годам благодаря бабке умела и прясть, и ткать, и шить, и вышивать. Как только внучки стали подрастать, Марфа начала учить швейной премудрости Катерину, а потом и Глашу, хотя у той из-за лени получалось плохо. «Лишнюю копейку заработать всегда пригодится», – рассуждала бабка. Знала по себе, что, имея за собой ремесло, внучки смогут лучше выйти замуж, несмотря на бочковскую бедность. К тому же приданое на свадьбу у них с бабкиной помощью было заготовлено хорошее – полные коробки¹¹.

Прясть учила так: первый внучкин неумелый клубок бабка Марфа бросала в огонь, а саму девочку отправляла сидеть голыми ягодицами на снегу. Объясняла: надо постараться спрясть нитку потоньше, чтобы быстрее прогорала, – тогда и меньше мерзнуть придется.

За работой бабка рассказывала про свое житье-бытье в усадьбе и в монастыре и учила молитвам. Утром читала молитву вслух и говорила внукам: «Учите, вечером спрошу». Дети весь день повторяли, чтобы не забыть. Так и запоминали. Сама Марфа правило соблюдала, на причастие ходила раз в месяц, а то и чаще, и детей водила. Дуська считала это лишним, но перечить свекрови не смела.

Для себя шили зимой, пока работы в поле не было. Катерина любила это время. Сидели до темноты (Федор денег на керосин жалел), рукодельничали, а бабка рассказывала сказки. Но как только приносили заказ, керосин брали в долг – и Катерина с бабкой корпели с утра до ночи. От усталости болели и чесались глаза, сводило пальцы – становилось не до сказок.

Вот и сейчас зажгли лампу. Пока бабка подворачивала края почти готового платья, Катерина заканчивала вышивать платок. Семья уже уснула, а они с бабкой не ложились, чтобы успеть все закончить до отъезда. Бабка слепла и сама хорошо вышивать уже не могла. Кроме Катерины, об этом никто не знал: Дуська норовила перетянуть на себя большинство, да и заказы могли потерять.

Пока Катерина вставляла нитку в иголку для бабки, Марфа учила:

– Ты, девонька, берегись. Барину на глаза не попадайся – божись!

– Вот те крест, бабушка! – Катерина перекрестилась перед иконой Нила Столобенского – вырезанной из дерева черной фигурой святого старца с острова Столобного, и продолжила выводить узор на тонкой белой материи.

– С батраками гулять не ходи. Божись! – продолжала наставлять бабка Марфа.

– Вот те крест, бабушка, – не буду! Ну чего ты тревожишься, какие батраки? Я с дитем буду, в доме.

Заколов иголку, Катерина отложила шитье и нежно обняла бабушку. Старуха расплакалась:

– Ай-яй-яй, голубка ты моя ненаглядная! А моя ж ты девочка-а-а! А на погибель тебя отправляю-ут!

– Ты успокойся, бабушка, там тоже люди живут. – Катерина стала вытирать слезы бабке Марфе. – Чай, не погибну. И вы всего-то в пятнадцати верстах – я приезжать буду.

Но Марфа не успокаивалась:

¹¹ Сундуки.

– Ох, берегла я тебя, мою красавицу, да не уберегла. Ох, недоброе замыслили, погубить тебя захотели.

Так и шили всю ночь. Бабка Марфа то и дело принималась плакать и еще не раз заставляла Катерину креститься и божиться перед иконами.

Рано утром, еще досветла, приехал кучер Ермолай от Вольфов. Барский мерин протяжно заржал за околицей, радостно здороваясь со своими деревенскими собратьями, еще не пробудившимися в конюшнях.

Семья уже сидела в напряженном ожидании на лавке, только Тимошка мирно спал, доверчиво прижавшись к Катерине. Каждый думал: «А вдруг передумал барин или забыл?», но вслух озвучить опасения боялись. Бабка Марфа, наоборот, молилась, чтобы барин никого не прислал, и громко вздыхала, повторяя: «Господи, Господи...» Еще не завтракали.

Услышав коня, Федор, растерянно оглядев семью, почесал за ухом:

– Ну, с Богом!

Встали. Перекрестившись перед иконами, бабка Марфа, с чувством, больно нажимая внучке на лоб, грудь и плечи, перекрестила Катерину: «Господи, бласлави!»

Вслед за бабушкой Катерина тоже начала всхлипывать.

– Ну ладно, буде, что ли. – Дуська ласково обняла дочь и повела на улицу.

Провожая, мать шепотком наставляла Катерину:

– Деньги все передавай, на себя зря не трать – буду Глашку каждый месяц посылать.

Вышли из дома – повсюду стелился зыбкий белесый туман. Запряженная конская голова смутно угадывалась за калиткой.

Катерина прошептала: «Ангел мой, хранитель мой, ты вперед – я за тобой!»

– Хозяйке на глаза поменьше попадайся да не ленись, что ли, – продолжала Дуська. – Что просят – то и делай. Особенно барин. Мы ему по гроб жизни обязаны – взял тебя, дурку, к себе.

– Мам, так мы с папкой его из болота спасли, – тихо прошептала Катерина. – Это он нам в благодарность свою...

– Много ты понимаешь! – Дуська рывком посадила Катерину.

Повозка тронулась: «Э-э-э-х, ну пошла-а-а!» Катерина торопливо закуталась в материнский старенький платок – больше никаких вещей с собой не было. Оглянулась: мать важно стояла у ветхой калитки в белом бабьем платке и протяжно крестила ее. Все остальные сгрудились поодаль: Тимофей и Глаша зевали, отец, махнув рукой, растерянно шурился вслед, а бабка пошла голосить в дом.

На глаза Катерине навернулись слезы. Утренние околицы зябко обернулись шерстяной паутиной. Через зубчатую кромку леса проклевывалось солнце – и вот уже поползли по влажной от росы холодной земле первые тени, загорланили молодые петушки, зазвенели ведрами бабы во дворах, замычали коровы – деревня просыпалась.

Бывавшая только в ближних деревнях на ярмарках, Катерина вдруг с тревогой поймала себя на мысли, что даже рада уехать из дома. Новая жизнь ждала ее совсем рядом, за поворотом. Как там будет? Катерина вдруг вспомнила Николая и подумала: «Барин добрый, авось не обидит». Внезапно ясно полоснули слова Александра: «Ну, встретимся, Катерина. Уж я точно постараюсь».

Гуси, примерившись в острый длинный клин, сиротливой ниточкой намetyвали очередную главу своей птичьей жизни – улетали из своих гнезд к новому теплу.

Покосившиеся домики родного Дмитрова, крытые серой, линиялой от бесконечных дождей дранкой, скоро скрылись за поворотом. Солнце уже всюю распоясалось и нагло плясало по загровку чалого мерина, которого подгонял Ермолай, торопясь к завтраку в барской кухне.

Глава 2

Хозяйка Бернова, Анна Вольф, выросла на Пречистенке, в доме, отстроенном после пожара 1812 года. Мать умерла от чахотки через несколько лет после ее рождения. Отец, Иван Петрович Бобров, большой шаркун¹² и дальний родственник Шаховских, повторно так и не женился, но и дочерьми заниматься не стал. Анну и ее сестру Марию воспитали няньки и тетки, в чем не слишком преуспели: девочки росли избалованными, читали любовные романы и очень смутно представляли себе взрослую жизнь.

Анна увлеченно играла на рояле, чередуя гаммы, этюды и ноктюрны Шопена. Учил ее хромой француз с узловатыми, удивительно ловкими пальцами. Он же и представил Анне художника Владимира Левитина. Роман получился стремительным: язык музыки и живописи помогал влюбленным понимать друг друга без слов. Левитин посватался, но Бобров, не раздумывая, отказал: мужчина делом должен заниматься, а не красками по холсту мазать. Обиженный Левитин, не прощаясь, сбежал в Париж, где скоро стал известен: его талант оценили. Анна же осталась в меланхолии, «в си-бемоль миноре».

Отцы Николая и Анны приятельствовали со времен Турецкого похода: сражались в одном полку. Каждую зиму, встречаясь в английском клубе за рюмкой водки, Вольф и Бобров мечтали поженить детей, едва те появились на свет. Так длилось годами, вошло в привычку, но никто не придавал значения этой шутке. И вот однажды, хорошенько поднабравшись, друзья ударили по рукам и «пропили» невесту. На следующий день ни один из них отступить от слова не захотел, и «детей», стечением обстоятельств не видевшихся с младенчества, снова познакомили. Николай, молодой морской офицер, герой, награжденный орденом Святой Анны IV степени «За храбрость», как раз гостил у родителей в Москве. Выздоровливал после легкого ранения, полученного при Порт-Артуре во время траления рейда на минном катере.

Анна и Николай сразу же понравились друг другу. Николай тут же потерял голову от красавицы с меланхолично-грустными глазами. Он не ухаживал так же замысловато, как Левитин, не разбирался в искусстве, но был прямолинеен, настойчив и надежен. И Анна влюбилась.

Татьяна Васильевна Вольф вышла замуж очень рано – четырнадцати лет (шутили, что невесте в приданое дали кукол). Узнав о выходке мужа, сначала всплила, но потом рассудила, что любимому сыну уже двадцать пять и пора бы жениться, а Бобровы – родство подходящее, и одобрила невесту.

За год до этого произошла неприятная история, которая и подтолкнула Татьяну Васильевну к решению: Николай влюбился в дочь очень богатого московского купца Евлампия Никитина и собрался жениться. Мать возмутилась: «Чтоб моей невесткой стала какая-то Никитина, да еще Евлампиевна? Век такого не будет, чтобы мы, Вольфы, Архаровы, родственники Муравьевых и Полторацких, с «аршинниками» породнились!» Устроила такой скандал, что больше Николай о женитьбе на Никитиной даже не заикался, но Татьяна Васильевна все равно опасалась, как бы сын снова не взялся за свое и сам не посватался к купчихе. А тут как раз удачно подвернулась Боброва.

Через месяц после сватовства сыграли свадьбу. Иван Иванович и Иван Петрович радовались и утирали друг другу слезы радости. А еще через месяц со старшим Вольфом случилась водяная¹³, и он вскоре умер.

Но на этом несчастья семейства не закончились, ведь только после смерти Ивана Ивановича, к общему удивлению, выяснилось, насколько запущены были дела Вольфов. Николай

---

¹² Человек, у которого внешний лоск и изысканность манер прикрывают внутреннюю пустоту.

¹³ Водянка, скопление излишней жидкости в тканях тела.

долго разбирался с душеприказчиком и в конце концов, скрепя сердце, продал семейный дом в Москве и заложил усадьбу и землю в Бернове в Государственном Дворянском земельном банке. Это помогло ему расплатиться с долгами и окончательно разделить имущество между наследниками.

Николай переехал с молодой женой в поместье, где провел детство, – в Берново. Праздную жизнь вести не стал, а сразу занялся имением и избрался членом Старицкой уездной земской управы.

И уже совсем скоро чувства влюбленных обернулись разочарованием: всем окружающим, а потом и самим молодоженам стало понятно, что они друг другу не подходили.

Оказалось, что здоровье Анны, до замужества не бывавшей в деревне, совершенно не приспособлено для сельской жизни.

Каждый раз, когда она покидала дом, ей становилось то слишком жарко, то холодно, то кружилась голова, то до волдырей кусали комары и мошки. Выйдя в парк, она жаловалась, что «сыро», и торопилась вернуться. В комнатах не выносила сквозняков, даже летом ей все время казалось, что откуда-то тянет холодом. Фортепиано в усадьбе было совсем расстроенным, и, ввиду финансовых неурядиц, в ближайшее время сложно было рассчитывать на новое. Анна целыми днями оставалась одна, не зная, чем себя занять. Она отчаянно хотела внимания Николая. Но он все время ускользал.

Николай вырос в деревне, любил долгие пешие прогулки, катания на санях и летние купания в холодной Тьме. Он задыхался в душном закупоренном доме и изо всех сил рвался на вольный воздух.

В дальнем конце парка стояла большая резная беседка, построенная еще отцом. Как только заканчивались холодные ночи, Николай перебирался туда, из его кабинета перекочевывали шкаф с книгами, любимый диван и, конечно же, селилась его собака. И Анна к ней ревновала.

Анна видела охлаждение мужа, но ничего не могла поделать и мучилась виной оттого, что не оправдала его ожиданий. Прочитанные романы внушили: отношения с мужем должны быть страстными, но она имела слишком спокойный темперамент. Не знала, какой еще способ изыскать, чтобы муж дольше бывал с ней. Поначалу, из-за частых болезней, хотела, чтобы он сидел у постели и держал ее за руку – она видела в этом проявление нежности и заботы. Николай же торопился в Земство или по усадебным делам, или, смирившись, с тоской глядел в окно в парк. Он жалел Анну, но в то же время злился.

Сестра писала ей:

«Mon Annette aimée!¹⁴

*Ты непременно должна заставить твоего Nicolas завоевать тебя.
Только так ты сделаешься дорогой ему, превратишься в завоеванный трофей!
Здесь, в Москве, дамы не упускают возможности подразнить своих maris¹⁵.
Таков свет!*

Ta soeur et ta copine, Marie¹⁶».

После таких писем Анна менялась: внезапно становилась холодной и отстраненной – тогда обеспокоенный муж пытался угадать причину. Но, убедившись, что это какая-то очередная выдумка, целовал жену в лоб и поспешно уходил. Перемены в настроении, истерики, раздражительность постепенно становились нормой для той спокойной и сдержанной Анны, которую любил Николай.

---

¹⁴ Моя любимая Аннушка! (фр.)

¹⁵ Мужей (фр.).

¹⁶ Твоя сестра и подруга Мария (фр.).

Он не узнавал ее в этой новой, постоянно недомогающей и нервной женщине. Мечтал во всю прыть скакать с женой на лошадях по заливным лугам, смеяться в голос, гулять рука об руку по летнему, исходящему пряными запахами полю, ломать жаркий свежеспеченный хлеб и кормить ее, смеющуюся и беззаботную. А главное – свою, теплую, родную. Теперь он винил себя: жена не по своей воле переехала в деревню и не так представляла свою замужнюю жизнь, не собиралась разлучаться с семьей.

Стало еще хуже, когда Анна забеременела. Ее мутило, она жаловалась и обвиняла: «ты меня не любишь», «ты хочешь моей смерти», «ты не желаешь, чтобы этот ребенок родился», «я тебе нужна только для того, чтобы родить наследника».

Николай молча выносил упреки, лишь изредка советуясь с матерью. Мудрая Татьяна Васильевна отвечала: «Дай ей забаву, и она от тебя отстанет». Так в доме появился рояль – скромный «Мюльбах», а не роскошный «Беккер», к которому Анна привыкла в Москве. Она дрожащими от нетерпения пальцами ударила по клавишам и с этой минуты уже играла днями напролет, забыв про недомогание.

Татьяна Васильевна, узнав об этом, вздохнула: «Да могли бы и ту твою дуру Евлампиевну на фортепьянах обучить».

Чтобы сделать приятное жене, каждую зиму Николай вывозил Анну с дочерью в Москву. Там они по несколько месяцев жили в доме Боброва. Анна очень ждала этих поездок, еще в сентябре начинала укладывать чемоданы, ведь только частые письма сестры и игра на рояле стали теперь единственной отрадой. В Москве иногда виделась с Левитиным который уговаривал уйти от мужа и ехать в Париж. Но Анна, тоскуя по первой влюбленности, по Левитину, по времени, когда все еще для нее было возможно, уже не верила, что можно хоть что-то вернуть.

Этим летом Анна снова ждала ребенка. Как и первая, вторая беременность давалась ей нелегко. И Николай, и Анна, знали, что это еще не родившееся у них дитя – последнее. И вот почему.

После появления дочери Анна долгое время не подпускала к себе мужа: слишком хорошо помнила первую беременность и роды. В своих страданиях она начала винить Николая, постепенно и методично вытеснив его из супружеской спальни в кабинет.

Татьяна Васильевна беспокоилась – нужен мальчик, наследник и продолжатель рода и фамилии: у старшего сына детей не было, и вряд ли они предвиделись.

После смерти мужа Татьяна Васильевна решила ни от кого не зависеть, жить своим домом отдельно от детей и удалилась в свое имение, Малинники, в двенадцати верстах. Но оставила в Бернове свою верную экономку, не доверяя хозяйственным качествам неопытной невестки. «Чтобы в поместье все ладно шло, да и присмотреть за молодыми в случае чего», – уже угадала, почувствовала, что между ними не все гладко.

Экономка, которую за маленький рост и вредный характер звали Клопихой, верой и правдой служила хозяйке – разумеется, Татьяне Васильевне. Всю жизнь Клопиха прожила в усадьбе: сначала была горничной, а потом, когда овдовела, стала экономкой.

Шпионила и подробно доносила, что происходит в доме. Анну презирала: воспитанная в городе, в богатом доме, брезгунья и чистюля, молодая хозяйка попыталась завести в усадьбе свои правила. Прислуга должна была ежедневно вытирать пыль и натирать полы во всем доме; еду на стол подавать только в белых бумажных перчатках, чтобы рукой случайно не коснуться блюда; когда на улице грязно, оставлять свои галоши на крыльце, а далее переобуться в чистые галоши, идти в них в переднюю, и там уже снимать и их. Из прислуги в усадьбе жили только Клопиха, кухарка Агафья, молодая горничная Кланы и нянька Никитична, поэтому исполнять большинство приказаний неопытной Анны оказалось невозможным. Так, посте-

пенно, незаметно, отменяя приказы хозяйки и заменяя их другими, править домом стала Клопиха.

Экономка верила в приметы, колдовство, леших, русалок и прочую нечисть. Увидит на полу или на земле мокрый след от ведра или лейки – обязательно обойдет, ни за что не наступит, чтобы не заболеть. Черных кошек в усадьбе при ней не было. Зимой рассматривала узоры на морозном окне и толковала по очертаниям – к добру или не к добру. Когда Анна впервые появилась в усадьбе, всю ночь, не смолкая, пели петухи. Клопиха сразу поняла: добра не будет. Так и вышло.

Татьяна Васильевна вызвала Клопиху и, убедившись, что все подозрения о отдельных спальнях верны, подгадав момент, сама явилась к Анне. Впервые она позволила себе упрекнуть невестку и даже допустила некоторый нажим в разговоре, ясно дав понять, что все поездки в Москву отменены до рождения наследника.

Анна упрямылась. Ей не верилось, что угрозы свекрови могут исполниться. Приблизилась зима, чемоданы пухли, ожидая скорой поездки. Но вдруг Татьяна Васильевна заболела, оказавшись чуть ли не при смерти. Поездка отложилась. Николай каждый день проводил у постели матери, и та сразу же начинала чувствовать себя лучше: шутила и играла с сыном в карты.

В отчаянии Анна намекнула Николаю: возможно, маменька не так уж и больна, раз играет в карты, и не поехать ли все-таки в Москву? Николай, подогретый заранее подготовленной и вовремя проведенной политикой Татьяны Васильевны, разозлился – и поездка отменилась совсем. Время шло, Анна день за днем отправляла промокшие от слез письма:

«Cher papá!¹⁷

Я здесь совсем одна, брошенная всеми вами! Nicolas и слышать не хочет про Москву с тех пор, как Татьяна Васильевна изволили болеть. Но ты же знаешь, я не могу без Москвы, без той жизни, которая была у меня под твоим крылом. Прошу тебя, papá, умоляю, ради всего святого, позволь мне провести эту зиму у тебя, не допусти, чтобы я осталась здесь, в этой глуши, лишенная всего, что я люблю! Напиши Nicolas, что ты приглашаешь меня, раз он не может ехать, и вышлешь экипаж.

En attente de ta réponse,

Ta fille bien malheureuse,

Annette¹⁸».

Старик Бобров не приехал, но написал гневное письмо в Малинники. В ответ получил копию письма Левитину, в минуту отчаяния написанное Анной и, конечно, вовремя перехваченное Клопихой. Упрек достиг цели. Вскоре Анна получила от отца разгромное наставление и отказ принимать ее, пока семейный конфликт не будет решен положительно.

Продержавшись в осаде полгода, уступила: снова стала ласковой и внимательной к Николаю. Упреки и истерики прекратились. Николай вдруг тоже переменялся: такая Анна его не тяготила. Они, как в начале семейной жизни, вместе пили чай, а по вечерам Анна играла на рояле. И самое главное: Николай вернулся в спальню.

Но для Анны мысль о новой беременности казалась физически невыносимой и противной. Она мечтала, чтобы эта пытка поскорее закончилась, и из последних сил играла свою роль. По вечерам становилась неестественно веселой и игривой, пребывала в приподнятом нервоз-

---

¹⁷ Дорогой папа! (фр.)

¹⁸ В ожидании твоего ответа, твоя очень несчастная дочь Анна (фр.).

ном состоянии: «Nicolas, mon amour!¹⁹» – звала его в спальню. Там Анна обреченно ложилась в постель и терпеливо, беззвучно ждала, пока все закончится.

Потом долго не могла успокоиться, что перешло в постоянные бессонницы. Стала спать до обеда, весь день проводя в одиночестве в отрешенном оцепенении и в подавленном настроении, презирая себя. Маленькая Наташа с ее живостью, громким голосом и постоянным желанием бегать и играть раздражала Анну.

Однажды Наташа без разрешения забежала в комнату к матери:

– Маменька, можно мне посидеть с тобой? – Девочка ласково обвила материнскую пахнущую французскими духами шею худенькими ручками.

Анна почувствовала, что задыхается, ей захотелось освободиться, оттолкнуть ребенка.

– Уведите ее! – крикнула она старой Никитишне. – Не приводите, пока я не позову!

И тут же чувство вины охватило Анну. Она, сама выросшая без матери, прогоняла от себя дочь. «Я плохая, никчемная мать», – подумала она.

– Je suis souffrante, Nathalie²⁰, – только и смогла сказать она испуганной Наташе.

С тех пор Анна не видела девочку неделями – даже привычка целовать ребенка по утрам прервалась.

Николай не понимал причину очередной перемены в Анне и забеспокоился: не сошла ли она с ума? Но предложения показаться врачу Анна отвергала, а Татьяна Васильевна посоветовала сыну быть внимательнее к жене, уверяя, что вскоре все изменится. Так и вышло. Через два месяца стало известно, что Анна ждет ребенка, и Николая тут же сослали в кабинет.

Эту зиму им предстояло снова остаться в деревне.

Николай по-прежнему терпеливо старался выполнять просьбы жены, спрашивал о самочувствии, но скорее для того, чтобы не раздражать ее и не терпеть потом истерик. Он понял, что его обвели вокруг пальца две, как ему казалось, любящие женщины. Даже для обожающей матери желание иметь наследника и продолжателя фамилии оказалось более важным, чем он сам и его чувства.

Жизнь виделась Николаю конченной, будущее представлялось беспросветным. Он и не думал ни о чем, просто плыл по течению. День прожит, снова день, и так до смерти. Николай чувствовал себя одиноким, думая, что во всем мире нет человека, которому он мог бы без утайки рассказать о своем отчаянном положении, о ловушке, в которой оказался.

Он размышлял: «На этой земле я всего лишь временный житель, механизм. Моя обязанность – принять от предков то, что они нажили, и передать в сохранности потомкам. Чувства не должны иметь никакого значения. Я всего лишь звено в цепи семейной истории».

В свои тридцать с небольшим он представлял себя глубоко несчастным и старым. Казалось, что в жизни все хорошее уже произошло.

В тот миг, когда Николай увидел Катерину, что-то в нем ожило. Он и сам до конца не разобрался в себе, не прислушался, но в ту же секунду, следуя за своим чувством, позвал Катерину за собой, не задумываясь о том, что это может означать для него, а тем более для нее.

Въехав в Берново, повозка свернула налево и поднялась на большой живописный холм. Показалась усадьба Вольфов: двухэтажный добротный дом с мезонином и колоннами, сложенный из белого старицкого известняка и окруженный большим парком. Повозка проехала через изящные кованые ворота и описала круг по шуршащей гравийной дорожке, обсаженной душистыми акациями. Радостно фыркая в предвкушении скорой кормежки, лошади остановились у низкого крыльца, увитого хмелем.

---

¹⁹ Николай, любовь моя! (фр.)

²⁰ Я больна, Наташа (фр.).

Из окна на втором этаже Николай наблюдал за тем, как приехала Катерина. Она показалась маленькой, растерянной и беззащитной – ни следа от уверенности и спокойствия, которые видел он несколько дней назад. В ожидании встречи Николай не смог уснуть, спуститься тоже не решился: боялся, что кто-нибудь из домашних может заметить его излишнее, необъяснимое волнение. Хотел сначала обвыкнуться с мыслью, что Катерина наконец здесь, рядом.

На крыльце появилась Клопиха. Молча исподлобья осмотрела девушку, раздраженно покачала головой и кивком позвала в дом.

Она повела Катерину к Анне, та безразлично скользнула взглядом и слабо кивнула.

Анна распорядилась, чтобы новую няньку, прежде чем вести к дочери, вымыли и переодели в хозяйское старое домашнее платье – хотела, чтобы в усадьбе был уклад как в городе.

Клопиха приказала кухарке посмотреть, не завшивела ли девка. Катерину она заранее невзлюбила: ширококостную рябую экономкину дочь хозяйка обещала взять к Наташе, но вдруг за завтраком, между яичницей и кофе со сливками, хозяин объявил, что уже нанял другую. Был скандал, хозяйка плакала, топала ногами, что уже дала слово, но Николай не слушал – молча встал и хлопнул дверью.

Агафья отвела Катерину в баню и, перекрестившись и проговорив свое привычное «Кузьма-Демьян, матушка, помоги мне работать!», ухнула несколько ведер горячей воды в заранее приготовленное корыто.

В бане приятно пахло березовыми, вязанными после Троицы, вениками и бархатистой полынью. Солнечный свет, едва-едва пробиваясь в мутное маленькое оконце, падал ровным прямоугольником на темные, надежно впитавшие влагу подвижные половицы. В этом последнем летнем луче золотились и порхали, словно купаясь, пылинки. Катерина стыдливо разделась, обхватила себя руками и поспешно села в воду. Кухарка подала ей мыло и стала поливать из кувшина, напевая:

Волга-реченька глубока,
Прихожу к тебе с тоской,
Мой сердечный друг далеко,
Ты беги к нему волной.
Ты беги, волна, стремися,
К другу весть скорей неси,
Как стрела к нему пустился
И словечко донеси.
Ты скажи, как я страдаю,
Как я мучуся по нем,
Говорю, сама рыдаю,
Слезы катятся ручьем!

Теплая вода мягко струилась по телу в корыто, смешиваясь со своей мыльной предшественницей, утешая Катерину, как бы говоря: и здесь люди живут, не горюй. Катерина вымылась до скрипа и насухо обтерлась льняным полотенцем.

Тут же на старом выцветшем стуле, рядом с платьем, кокетливо лежало белое с завязками по бокам кружевное вышитое нечто. Катерина в недоумении стала осматривать эту странную для нее одежду:

– Мужские портки? Или детские? А как же в туалет по нужде ходить?

В деревнях девки и бабы под юбками ничего не носили.

Агафья засмеялась:

– Дак это ж панталоны! Привыкай в барском доме к барским порядкам!

Наконец повели знакомиться с Наташей. Большая комната, немного сумрачная и пустоватая, содержалась в образцовом порядке. О том, что это детская, можно было догадаться только по кровати у стены и по идеально расставленным игрушкам в витрине за стеклом. Маленькая светловолосая девочка сидела в центре комнаты на полу и в одиночестве возилась с куклой.

– Здравствуй, Наташенька.

Наташа испуганно встрепенулась и встала: худенькие, как веточки, ручки и ножки, одежда чуть маловата, грустные, но живые любопытные глаза.

– Я твоя няня. Катерина.

– А ты будешь со мной играть?

– Конечно! Во что? Что ты любишь?

– Не знаю... – губки у Наташи задрожали.

– Может, в куклы? Их много у тебя?

– Вот. – Наташа показала на пеструю витрину.

Катерина подошла посмотреть: таких искусно сделанных кукол никогда не видела – с фарфоровыми раскрашенными надменными лицами, белыми изящными ручками, разодетые в платья из расшитой парчи, у многих имелись миниатюрные шляпки с перышками, шелковые расшитые зонтики и даже перчатки. Катерина осторожно открыла витрину и притронулась к волосам одной из кукол – настоящие!

– Только не сломай, а то от маменьки попадет. Лучше не трогай, – прошептала Наташа.

– Какие красивые. А может, я тебе тряпичную сделаю? Ее не сломаешь, можно играть как хочешь.

– Правда? Хочу! А еще во что играть будем?

– В горелки с тобой побегаем!

– А Никитишна не разрешала бегать. Велела тихо сидеть, чтобы маменьке не мешать.

– А мы и не будем мешать – мы в парк пойдем. Согласна?

– И ты у меня правда останешься? Не уйдешь?

– Правда, Наташенька.

По воскресеньям и в двенадцатые праздники Катерина возила Наташу к причастию в берновскую Успенскую церковь – для девочки специально запрягали повозку. Анна часто недомогала по утрам, поэтому их время от времени сопровождал Николай. После литургии обедали вместе: хозяева и Наташа. Катерина следила, чтобы девочка не шалила и не мешала взрослым обедать, что чаще всего происходило в полной тишине, прерываемой звяканьем приборов и переменой блюд.

По будням маленькую барышню кормили в столовой, за час до родителей. Завтрак подавался в восемь утра: сытный мясной бульон с хлебом или гарбер-суп²¹. Чай и кофе не поили – вместо этого приносили пахнущее коровой молоко, сыворотку, душистый травяной чай или зеленоватый отвар лопуха. После завтрака Катерина вела Наташу поздороваться с матерью, когда та была в настроении (что случалось редко). Анна целовала дочь и спрашивала, не больна ли девочка, если плохая погода – наказывала не гулять, чтобы ребенок не простудился. На этом вмешательство Анны в жизнь и воспитание Наташи заканчивалось.

Обед обычно начинался в двенадцать, полдник – в четыре, а ужин – в восемь часов. Между трапезами перекусы не разрешались: Анна считала, что ребенка необходимо воспитывать, строго соблюдая режим. На обед Агафья готовила Наташе суп-пюре из репы или брюквы,

---

²¹ Сладкий овсяный суп с сухофруктами.

разварную говядину с соусом из пастернака или котлеты из курицы, на десерт – чернослив, варенье или свежие фрукты. Такого обилия Катерина дома не видела.

Ей нравилась новая жизнь в усадьбе. Днем заботилась о Наташе, а по ночам штопала свою одежду, как учила Марфа, и тосковала по родным, особенно по бабке и Глаше. В мыслях часто возникал Александр, чей образ с каждым днем становился все прекрасней. Катерина раз за разом вспоминала их короткий разговор и его обещание: «Бог даст – точно встретимся...» В Бернове его не встретила, да и Агафья про молодого купца из Новгорода ничего не слышала.

Каждый день из окна кабинета Николай наблюдал, как Катерина с Наташей ходили гулять в старый парк, опоясывающий усадьбу. Главной усадьбой Вольфов было Берново, подаренное за верную службу еще Екатериной II. Центральная часть села одним концом упиралась в Успенскую церковь, а другим – в барскую белокаменную усадьбу на вершине холма.

В парке перед господским домом блеснул водной гладью круглый английский пруд с дном, выложенным голубой глиной. Летом в тенистой воде у берегов, затянутых ряской, лавируя между стеблями белых кувшинок и медленно кивая плавниками, покачивались ленивые караси. Теперь же осенняя тоска уже неторопливо окутывала парк, роняя на студеную поверхность воды, как на жертвенник, багряные комки лиственных даров.

Липовая аллея, неременная отметина русских парков средней полосы, служила променадом для многих поколений Вольфов и их гостей, но сейчас уже много лет стояла заброшенной.

В глубине парка еще сохранялась насыпанная в дань моде больше века назад горка Парнас, вокруг которой от подножия к вершине улиткой завивалась гравийная дорожка и покоились обломки статуй греческих богов. Здесь остался и звериный холм с полузаваленным гротом, где когда-то держали диких животных хозяевам на потеху.

В конце сентября дни выдались теплыми, но бабье лето уже неумолимо клонило к закату. Вечера стали зябкими и холодными, хотя по утрам нитяная паутина все еще беззаботно летала в воздухе. Днем солнце грело, но не летним залихватским жаром, а ласковым, бережливым, наполненным предчувствием скорого угасания влажным осенним теплом. Крестьяне на полях торопились дочиста убрать картофель до первых настоящих холодов. Очень скоро на крышах домов завьются первые горьковатые дымки и жизнь замрет в ожидании благословенного снега и возобновления санного пути.

Но пока природа брала свое и одаривала теплом, Наташа и Катерина в легких платьях дни напролет бегали в горелки по старой аллее и качались на веревочных качелях, мелькая икрами над влажной усталой травой.

В последние дни сентября в Курово-Покровском собирались отмечать именины Павла Ивановича Вольфа. Съезжалась родня из ближнего круга: Николай с семьей из Бернова и Татьяна Васильевна из Малинников.

По случаю хорошей погоды решили устроить пикник на берегу Нашиги – речушки, которая вилась рядом с имением, выстроенным Вольфами почти сотню лет назад и отошедшим теперь Павлу. В излучине реки, близ мельницы, образовался глубокий омут, который внезапно переходил в отмель, где река коричневатыми струйками игриво перебирала камушки, словно проверяя, все ли на месте, и запасливо собирала желтый песок у берегов, торопливо гоня жухлые осенние листья куда-то вдаль. Именно здесь находилось излюбленное место для пикников хозяев Курово-Покровского. Кухарка и кучер с раннего утра таскали тяжелые корзины со снедью на поляну, расстилали турецкие ковры, устраивали зонты от солнца и охлаждали в студенной осенней реке вино.

Утром Анна Ивановна снова почувствовала себя неважно, что в глубине души обрадовало Николая: они теперь редко ездили в гости – их попросту не звали. Татьяна Васильевна

упрекала его, что приглашать Анну стало наказанием: на пикник не позовешь, все праздники, даже летом, только в доме: то спину надует, то солнце напечет. К тому же она очень уставала в дороге, даже если ехать всего три версты. Что уж говорить про совместные пешие прогулки, к которым с детства привыкли молодые Вольфы. В конце концов Анна и сама поняла, что в тягость другим и не слишком любима родственниками Николая, поэтому часто отсылала мужа одного.

Повозка покачивалась, переваливаясь с кочки на кочку, как неуклюжая утка, – Николай приказал ехать не спеша, дальней дорогой в десять верст, посмотреть поля под Воропунями.

Ермолай затянул:

Надуты губки для угрозы,
А шепчут нежные слова.
Скажи, откуда эти слезы, – Ты так не плакала сперва...

Катерина, шурясь от осеннего ласкового солнца, нежно прижимала Наташу, перебирая ее мягкие льняные волосы, а та играла с новой тряпичной куклой. Девочка оттаяла: снова стала непоседливой, говорливой и любопытной – не могла усидеть на месте и двух минут. Ненадолго прильнув к няне, то и дело пересаживалась к отцу, а потом снова забиралась на колени к Катерине.

В укрытой от чужих глаз карете Николай не отрываясь смотрел на Катерину: в платье на городской манер и без платка из шуплой деревенской девчушки она превратилась в видную девушку, а ведь прошел всего месяц с ее приезда. Обнажились тонкие запястья в веснушках; густые каштановые волосы, заплетенные в тугую косу, вздыхали в такт повозке. Откуда-то взялись манеры и даже голос ее изменился: стал более низким, плавным и размеренным. При этом в ней не было заметно ни капли кокетства.

Что-то в нем дрогнуло: «Не моя». Чтобы заглушить эту мысль, Николай торопливо заговорил:

– Скучаешь по дому, Катерина?

– Как не скучать? Скучаю! Вот сестра приходила – жалованье мое забрать. Мать козу купит, одежду на зиму ребятам.

– Что же, пешком приходила? Пятнадцать верст?

– Деньги очень уж нужны.

– Рада, наверное, сестру встретить?

– Рада! Ох и наплакались мы с ней, душу отвели, – рассмеялась Катерина.

Николай задумался:

– Да, жаль, что ты писать не умеешь, – могла бы письма ей отсылать... Скажи, хорошо ли тебе у нас?

Катерина поправила волосы Наташи, спящей у нее на коленях:

– Хорошо, барин. Чего же плохого? Работа как и не работа совсем: очень я Наташу полюбила, словно всю жизнь так рядом с ней и прожила.

– И она тебя тоже любит – как котенок, жметя к тебе.

Николай задумался: «Дочь действительно как котенок, но не веселый и шаловливый, облизанный заботливой кошкой, а сиротливый, без матери, отчаянно ищущий ласки и тепла. Анна совсем забросила Наташу. И сама мучается, и дочери любви не дает. Надо, надо отпустить ее в Москву, не томить здесь».

– Что же Анна Ивановна, ласкова ли с тобой? – Мысль об Анне обожгла его. Но слова вылетели сами собой. Сейчас он не хотел думать о жене, сравнивать их: Анну, так и не ставшую родной своей дочери, утомившую бесконечными жалобами и изменчивым настроением,

и безграмотную крестьянку, отчего-то такую близкую. Ему было хорошо просто вот так ехать, разговаривать с ней. Только бы подольше длилось это мгновение.

– Ну что вы, барин, – прервала его мысли Катерина. – Анна Ивановна меня и не замечает. Да и не до того ей – часто не может. Да вы и сами знаете. Жалко мне ее – так мучается, бедняжка.

Николай севшим голосом прошептал:

– А меня тебе не жалко? Что скажешь?

Катерина испугалась:

– Не спрашивайте меня, барин. Не мне судить.

– Да ты скажи как есть – не обижусь.

Катерина, подумав, пожала плечами:

– Носит вас где-то, а домой не тянет. Все вы по полям да по лесам разъезжаете. Ищете чего-то, да не находите.

Николай поднял глаза, но тут же отвел их. Как эта девочка его прочитала? Безграмотная, а душу его так легко, совсем не зная его, поняла. Неужели все мысли на поверхности, так очевидны?

– Не сердчайте, барин, если что не так сказала.

– Не обижаюсь я на тебя – правду ты говоришь, Катерина. Да только не легче мне от этого. – Николай грустно покачал головой. Говорить больше не хотелось.

Вскоре показалось Курово-Покровское с каменной, из того же белого старицкого известняка, что в Бернове, двухэтажной усадьбой. «Тпру-у-у-у!» – кучер остановил лошадей у парадного входа.

Наташа выскочила из повозки, бросилась к бабушке навстречу и затараторила:

– Бабушка, посмотрите, какую куколку мне няня смастерила!

Татьяна Васильевна ласково обняла Наташу и внимательно осмотрела: сегодня внучка казалась веселой и розовощекой – заметно, что о ребенке хорошо заботились. Уж сколько она упрекала старую Никитичну и Анну!

– Моя милая, а я уж соскучиться по тебе успела! – Она поцеловала внучку. Увидев Катерину, ткнула Николая в бок: – Ты погляди-ка! Твой прадед, Царствие ему Небесное, конечно, такую ягодку не преминул бы сорвать!

Николай осуждающе посмотрел на Татьяну Васильевну и промолчал. Младший сын и любимый – только Николаю спускала все шалости, баловала без меры, называя ласково «Никóла», но и позволяла себе с ним шутить, не выбирая выражений.

Павел и Фриценька за пятнадцать лет брака детьми так и не обзавелись. Куда только не ездили в паломничество, каким мощам не поклонялись и какому святому не молились. Павел рос циничным, самодовольным и упрямым, вот и женился, не спросив родителей, на немке из Гамбурга, приехавшей навестить дальнюю родню в Москву, – Фредерике фон Баум. Немку пришлось принять и перекрестить в православную. В отместку за непослушание Павел получил не главную усадьбу, в Бернове, как полагалось старшему, а в более скромном Курово-Покровском. Там, инженер по образованию, сконструировал оранжерею, где разводил диковинные фрукты, из которых сам варил варенье. Татьяна Васильевна колко по этому поводу высказывалась: немецкая ель и русский дуб родят только персики да арбузы.

Павел также писал мемуары и изготавливал настойки и водку по особой технологии, соорудив для этого невиданный перегонный аппарат. В последней затее особенно преуспевал, о чем свидетельствовало его неестественно красное в любое время года лицо.

Немка, натура взбалмошная и порывистая, тянулась к искусству. Усадьба по этой причине стояла в запустении – повсюду беспорядочно валялись краски, холсты, начатые картины и растерзанные куклы из папье-маше – все это категорически запрещалось трогать горничным.

В дом для забавы брались козлята, цыплята и поросята. Кошек никто не считал. Измазавшись краской, Фриценька ежедневно гоняла на корде взмыленных лошадей.

На обед в честь дня рождения Павла прямо на разостланные на траве белоснежные хрустящие скатерти ставили блюда с икрой, маслянистые пироги, заплаканную ветчину, селедку с розоватым нутром и пупырчатого жареного гуся. Стол для Наташи накрыли отдельно от взрослых, под рыжей сосной, истекающей смолой.

– Ах, говорят, в Черничене ураган случился, – решила поддержать разговор Фриценька, накидывая на плечи кружевную шаль, подаренную Анной (та, уверенная, что все мерзнут, как она, считала своим долгом дарить их каждой родственнице).

– Да, что ни год, то ураганы, – согласился Николай, прислушиваясь, как Катерина играет с Наташей за деревьями.

Павел отрезал большой кусок жирного гуся и пожал плечами:

– Ничего нового.

Аномальные явления – град, ураган, засуха – были одной из излюбленных тем у местных помещиков и обсуждались при каждой встрече.

– Конечно, ураганы – вон крестьяне весь лес свой скоро повырубят, изведут начисто – еще не то будет! – возмутилась Татьяна Васильевна.

– А куда ж им деваться, маман? Земли мало – вон на пару скот пасут, – возразил Павел. Он никогда не упускал случая поспорить с матерью, что, впрочем, было взаимно.

– Конечно, пасут, а потом земля не родит – опять удивляются. И памятник этот поставили, прости Господи... – не удержалась мать. – Прямо перед церковью! Прошло уже несколько месяцев, а Татьяна Васильевна все никак не могла успокоиться по поводу памятника и каждый раз заводила разговор о крестьянах, вплетая разные подробности о промахах и глупости прислуги.

– Перестаньте, маменька! – попытался успокоить ее Николай.

Татьяна Васильевна раздраженно повела плечом:

– Конечно, нашли что праздновать – пятьдесят лет манифеста! И что, плохо им жилось? А сейчас – голодные, холодные весь год ходят. При папеньке такого не случалось.

– Ну как же не случалось, маменька? – не сдавался Николай. – Еще при прадеде крестьяне ого как бунтовали! Забыла, как вызывали на помощь уланов из Старицы? Как крестьяне писали жалобу и отправляли ходоков к царю? Такие были волнения, что собирали военный суд! А потом бунтовщики получили тысячу ударов шпицрутенами, а еще двоих зачинщиков отправили в Сибирь! Во всех газетах нас прославили.

– Много ты знаешь, – поджав губы и отвернувшись, вздохнула Татьяна Васильевна. – А что прикажешь делать? Не повиновались, на работы не выходили, грубили.

– Потому и не выходили, маменька, что прадед их так загонял, что свои поля у них непаянанные стояли.

– Лучше работали бы – и наши поля пахали, да на свои время бы оставалось, – парировала Татьяна Васильевна.

Николай теребил пуговицу на манжете. Как могло бы сложиться между ним и Катериной, если бы они встретились тогда, при крепостном праве? Какой бы она была с ним? А он? Смогли бы они соединиться, забыв про осуждение, про общество? Или наоборот – что, если бы Катерина родилась дворянкой?

– Ха! Главное, что при этом наш прадед успевал гаремом из девок своих крепостных заниматься, – ухмыльнулся Павел и осекся – Фриценька недвусмысленно надула губы.

Татьяна Васильевна заметила, как Николай оборачивается, высматривает Катерину, и, не сдержавшись, едва слышно высказалась:

– Ну конечно, я же говорила!

– Вспомни, дед рассказывал, как крестьян из Соколова в Корневки переселяли? – перебил Николай, не замечая намеков матери. – Как они съели по кому земли, поклялись – и ни в какую, ни с места? Как двоюродный дед наш, Никита Петрович, лично плюх старосте за это надавал? Насилу их перевезли!

– Ну, конечно, что было, то было, – согласилась мать. – Но это к делу не относится. А эти, нынешние, – подписали же: «Царю – Освободителю Александру II от Берновской волости». Неблагодарные. В «Епархиальных ведомостях» целую статью написали – «Знаменательное гражданское торжество в селе Берново Старицкого уезда», тьфу.

– Хм, и правда торжество – памятник установили. Когда такое у нас бывало? Почему бы не написать? – вступился Павел.

– Молчи, либерал! Даже слышать не хочу. И ты не прав, что пошел участвовать в этом фарсе и брата с собой прихватил.

Фриценька, нахмурившись, решила вступить за мужа:

– Ах, давайте лучше отпразднуем сто лет победы над Наполеоном!

– Это да – давайте поднимем бокалы! – согласилась Татьяна Васильевна. – Тут, конечно, есть что отпраздновать – славная победа.

Торжественно звякнули бокалами, наполненными игристым вином, изготовленным Павлом, и громко прокричали: «Ура! Ура! Ура!»

Развеселившаяся Фриценька неожиданно решила блеснуть эрудицией:

– А вы знаете, что французы русское «ура!» воспринимали как «au rat!²²», оскорбились и стали кричать «au chat!²³»?

Павел одернул жену:

– Что с них взять, с этих лягушатников? Вот и получили – хм... Березину. Сто лет прошло, а они до сих пор в ужасе – говорят: «C'était un cauchemar, c'était Beresina!²⁴» Никогда им не забыть нашей славной победы!

Но Фриценька уже увлеклась:

– А слышали, по всем губерниям нашли живых свидетелей войны – аж двадцать пять человек, всем за сто десять лет! А одному так и вовсе сто двадцать два. Я недавно получила газету, где описывались все подробности празднеств.

Все развеселились.

– Ха! Ну как такое может быть? Всему-то ты веришь! – рассмеялся Павел, испортив все планы Фриценьки показать себя в более выгодном свете. Она знала, что Вольфы считали ее недалекой и недостойной Павла, поэтому старалась заранее готовить все темы для разговоров.

– Столько, конечно, не живут – это я тебе говорю, свекровь твоя, – можешь не волноваться, – подмигнула Татьяна Васильевна.

– А как же нашли их? – растерялась Фриценька.

– Приказано найти – вот и нашли, – объяснил Павел. – У нас так дела делаются, столько лет в России живешь, и не знала?

Фриценька пристыженно замолчала. Ей было обидно, что Павел не поддерживает ее, а, наоборот, смеется над ней в присутствии родственников.

Николай поспешил вмешаться, пока Фриценька из-за слов Павла не вздумала расплакаться и сбежать в дом, как уже не раз случалось:

---

²² На крысу! (*фр.*)

²³ На кога! (*фр.*)

²⁴ Это был кошмар! Это была Березина! (*фр.*) Березина – река в Белоруссии, широко известна благодаря сражению на Березине (бои 26–27 ноября в ходе Отечественной войны 1812 года), в результате которого «Великая армия» Наполеона была полностью уничтожена. Во французском языке название реки стало именем нарицательным и используется в значении «трагедия, катастрофа».

– Говорят, крестный ход шел из самого Смоленска, с чудотворной иконой Смоленской Божией Матери.

– Красивая икона – видели ее еще с батюшкой твоим, как Смоленск проезжали. Давно – еще до рождения Николы, – подтвердила Татьяна Васильевна. – Будто свет от нее исходил... Намоленная!

Фриценька с досадой отвернулась и позвонила в колокольчик:

– Манька, чай подавай!

– Прокудин-Горский, пишут, делал фотографии торжеств, – сообщил Павел.

– Это какой же? – поинтересовалась Татьяна Васильевна.

Услышав незнакомую фамилию, она тут же пыталась установить родственные связи, кто кому кем приходится и не знакома ли она случайно, если не с самим человеком, то хотя бы с его родственником.

– Ах, тот, который цветные фотографии Старицкого монастыря делал, помните? В газетах писали про него. Два года назад приезжал, а до Бернова так и не доехал – уж как приглашали, – в Тверь торопился. Так мне нравятся его фотографии! – всплеснула руками Фриценька.

Речь пошла об искусстве, и она успокоилась, стала разливать чай, который принесла Манька, в изящные чашки из севрского фарфора.

– Да, встречал его в Старице, – подтвердил Николай. – Он же мне, кстати, порекомендовал управляющего в имение.

– Хм... Управляющего? У тебя же староста? – удивился Павел.

– Хочу с новым управляющим с чересполосицей разобраться. А может, и часть земли продам, что невыгодно держать.

Павел усмехнулся:

– Это кому ж ты продашь?

– Де Роберти интересовался – у него крестьяне весь лес порубили.

Гости приступили к десерту: сегодня угощали вареньем нескольких сортов из фруктов из оранжереи, а еще полосатыми яблоками, персиками в бархатной одежке и даже огромной продолговатой дыней, испещренной жилками, как арабской вязью.

Увидев сладкое, прибежала Наташа. Татьяна Васильевна стала ласково обнимать и угощать внучку, дуясь на сына, – не посоветовавшись, принял какое-то глупое решение:

– Вон девка у тебя растет, о ней подумай – разоришься!

– Именно о ней и думаю, маменька. И хватит об этом.

Будущее Наташи и еще не родившегося ребенка представлялось самым важным делом жизни. Но во многом именно встреча с Катериной подтолкнула Николая бросить жалеть себя и свой неудачный брак, оставляя жизнь на произвол судьбы, наблюдая, как скудеет имение и пустеют родные земли, но перейти к решительным действиям, к переменам.

Каждое утро, до ухода по хозяйским делам, Николай проводил с Наташей: сидел с ней за завтраком, веселил ее, изображая разных животных. Это стало их традицией с тех пор, как Николай заметил, насколько холодна Анна с дочерью, и понял, что жена не намерена заниматься ребенком. Маленькая Наташа обожала отца – ждала его прихода, радовалась, бежала целовать.

Катерина привыкла видеть хозяина каждое утро и уже не так боялась, как в первое время. По утрам у них сложился веселый мирок со своими, одними им понятными, милыми шутками и забавами.

Сегодня Наташа особенно плохо ела, капризничала, шалила и играла кашей, но Катерина ласково и терпеливо кормила ее. Николай думал: Анна не допускала подобных проказ в своем присутствии и велела наказывать девочку, если не розгами, то лишением сладкого или еды

вовсе. Катерина же совсем не злилась, а даже жалела Наташу, каждый раз серьезно расспрашивая ее о причине капризов, которые, как ни странно, всегда находились.

Николаю стало интересно, как прошло детство Катерины, в чем кроется секрет, что она, крестьянская девушка, настолько близка ему, дворянскому потомку?

– Скажи, тебя в детстве секли за шалости?

Катерина задумалась:

– Мать говорила, что раз высекла меня за что-то, но я так плакала – не могли успокоить. Мать испугалась и больше меня не трогала. А за остальными детьми я сама ходила. Матери некогда было не то что пороть – накормить даже. Все время за работой.

Он усмехнулся. Сложно было представить ее маленькой зареванной девочкой.

– Любишь детей?

– Очень! Они как птички, ангелы безгрешные, «ибо таковых есть Царствие Божие».

А вас, барин? Секли?

– О, конечно! Еще как – в каждой комнате в углу розги стояли.

– Да вы шутите! – растерялась Катерина.

– Говорю тебе – да, – подзадоривал Николай.

– Не может быть!

Мимо столовой, толком не проснувшись, брела Анна. Все утро противно мутило, она долго не могла заставить себя встать с постели, но, услышав детский смех, вдруг захотела обнять свою Наташу, приглубить. Анна чувствовала, что виновата перед дочерью: совсем редко ее видит, мало отдает любви и ласки, тяготится. Поддавшись внезапному порыву и заранее гордясь собой, тем, что она, больная, жертвует собой и идет забавлять Наташу, Анна приоткрыла дверь в столовую, ожидая, как обрадуется ей девочка. Но увидела, что дочь беззаботно смеется, счастлива, нянька ее кормит, а Николай, совершенно непохожий на себя, обычно молчаливого и серьезного, корчит смешные рожи.

Она вошла, лишняя и чужая, – и все вдруг виновато смолкли, не обрадовались.

Анна совсем другими глазами рассмотрела Катерину: встретив впервые, увидела лишь невинную и робкую девочку-подростка, сейчас же перед ней предстала взрослая девушка, полная сил и застенчивой красоты.

Анна вошла, величественно села за стол и кивком приказала Катерине выйти. Катерина молча повиновалась, тихо притворив за собой дверь. Столовую наполнила гнетущая тишина. Николай сник и с тоской стал смотреть в окно, мысли его тотчас устремились прочь: утро было бесповоротно испорчено. Наташа закапризничала, но тут же замолчала, осекшись из-за грозного взгляда матери.

Вечером, несколько раз все обдумав, Анна устроила мужу сцену: «Прогони эту девку и возьми другую!» Заламывала руки, кричала и топала ногами.

Внешне невозмутимый Николай отрицал связь с Катериной и, все так же спокойно, выплеснул обвинение, зрелее в нем несколько лет:

– Ты плохая мать и жена, и сама это прекрасно знаешь, терзаешься этим – я вижу.

– Да как ты мо...

– Ты несчастна, Анна, здесь и со мной – в этом вся причина.

Анна в растерянности села на диван. Николай, не обращая на нее внимания, продолжал:

– Не виню тебя. Как мужчина, морской офицер, проживу остаток жизни без ласковой жены – мне ничего не нужно. Но если ты сама не можешь стать заботливой матерью, то не лишай ребенка любви хотя бы чужих ей людей. Наташа не должна расти отвергнутой, не смея радоваться и играть в родительском доме, в постоянном страхе, что потревожит свою маман, которую и не видит толком. Такая же участь ждет нашего второго ребенка. Я этого не хочу, не потерплю и не позволю!

Анна молчала. «Ах, как он прав! Я отвратительна сама себе. Но как он может со мной так говорить?»

– Вот что я предлагаю, Анна. После родов оставь детей в деревне, а сама отправляйся в Москву к отцу. По причине слабого здоровья и лечения. Всем так и скажем. Я же тем временем найму управляющего, поправлю хозяйство и стану посылать деньги на твое содержание. Хочешь – живи с Левитиным – да, я все знаю, – резким жестом он остановил собравшуюся возразить Анну, – мне все равно, но не у людей на виду, прошу тебя, не допускай публичного позора. А мне дай воспитывать моих детей так, как я хочу, чтобы хоть они стали счастливыми.

Анна все отрицала, плакала, умоляла простить и снова обвиняла. Так длилось несколько дней, но в конце концов мысль разрубить этот гордиев узел способом, предложенным Николаем, показалась ей разумной. Оставалось лишь дожидаться родов и убедиться, что отец ее примет в Москве. Что до Левитина, то тот обещал ждать ее вечно.

Предметом постоянных разногласий и споров между супругами была Берта. Ни одна прогулка Николая не обходилась без нее, а тем более охота: собака хорошо причуивала дичь и вставала в стойку – великолепно работала по птице.

В тот год октябрь выдался холодный. Зарядили дожди, напитывая землю туманами. Но Николай никак не мог отказаться от охоты – ноги сами несли из дома. В один из таких дней недосмотрел: разгоряченная бегом собака нырнула в холодную воду за подстреленной уткой, переохладилась, и к ней вернулся старый, видно, недолеченный ревматизм.

Николай надеялся, что обойдется, как всегда, – устроил Берту в своем кабинете, баюкал в одеяле, но болезнь не отступала – собака захромала.

Через неделю Берта перестала есть, уже не вставала и по-прежнему жалобно скулила. Николай в бессилии ходил по кабинету и курил, то и дело нервно шелкая портсигаром. Ни Анна и никто другой из домашних не решались войти в хозяйский кабинет. Наконец Клопиха, давно все хорошо понимавшая, отправила туда Катерину.

За окном шел все тот же бесконечный дождь, пробирающий до костей, шептал гадости о безнадежности положения. Николай вдруг осознал, как устал от себя самого, а любимое существо умирало.

В дверь робко постучали – принесся с собой запах свежего теплого хлеба, вошла Катерина, не глядя на Николая, молча поставила поднос с едой на стол и стала поить собаку теплой водой из ложки. Николай понял, что уже несколько дней не выходил из кабинета и ничего не ел.

Собака стала скулить еще сильнее – Катерина обняла животное и прижала к себе страдающую морду:

– Ну тихо-тихо, скоро все кончится. Потерпи еще немного, милая.

Катерина посмотрела на растерянного Николая.

– Барин...

Николай вынырнул из забытья.

– Что?

Катерина сидела на полу, ласково прижав к себе собаку. Две пары глаз жалобно смотрели на него. Судьбы этих двух существ зависели от него. От его жестокости и решимости.

– Не тяните, пожалейте ее.

Николай все никак не мог решиться. Ведь еще чуть-чуть, и он останется один, без своей верной спутницы, свидетеля его одиночества, которая все понимала и всегда находилась рядом.

Собака завывала. Катерина еще сильнее прижала ее к себе, выжидая глядя на Николая.

Николай тяжело поднялся, достал лакированный ящик с отцовским револьвером, инкрустированным монограммой IW, и, уверенным движением зарядив оружие, присел на корточки рядом с Катериной. Револьвер внезапно показался ему страшно тяжелым и неудобным, привычный металл сегодня жег ему кожу, пальцы «не ложились». Собака все не умолкала, и Нико-

лай погладил ее, поцеловал морду и что-то тихо зашептал в мохнатое ухо. Потом мягко отстранил Катерину, закрыл собаке глаза, избегая ее почти человеческого взгляда, и выстрелил. Вой прекратился. Вдруг стало слышно, как идут часы, как все еще хлещет на улице дождь.

Катерина плакала и продолжала гладить мертвую собаку.

Стон отчаяния наконец вырвался из груди Николая.

– Поплачьте, барин, – ведь отмучилась.

– Да я себя жалею, Катя, а не ее, – пойми ты!

Стены давили на него, тишина сводила с ума.

Катерина тихонько коснулась его плеча. Близость ее теплого тела, такого сейчас ошутимого, раздражала его – он перестал думать о своем горе и невольно потянулся к ней.

Вскочив, он схватил одеяло, в которое кутал собаку, и расстелил на полу. Бережно опустив на него Берту, завернул края и с собакой на руках бросился из кабинета. В коридоре было темно. Катерина с лампой побежала следом.

– Не ходи за мной, – резко бросил ей Николай через плечо.

– Там дождь, барин. Позвольте помочь.

Катерина не отставала.

– Иди домой, не ходи за мной, – снова повторил Николай.

– За лопатой схожу, барин! Я сейчас!

Николай резко остановился и обернулся к ней:

– Да я сам должен, сам! Оставь ты меня наконец.

Уйди от меня.

При свете лампы, в гневе, он стал страшен. Усталое лицо за неделю бессонных ночей и недоедания осунулось, тени еще больше заострили его черты, и сам он стал походить на мертвеца. Одеяло приоткрывало ощерившуюся пасть мертвой собаки.

От неожиданности и страха Катерина отшатнулась и заплакала:

– Простите меня, барин. – И, дрожащими руками отдав ему лампу, убежала в темноту.

Николай еще больше разозлился. Не хотел обидеть Катерину, она ни в чем не виновата, думал он, только он сам. Николай чувствовал себя особенно уязвимым, и ему стало невыносимо страшно, потому что там, все еще в парах пороха, оглушенный выстрелом, понял, что не может больше сдерживать себя. Почувствовал, что еще минута в этом проклятом кабинете – и он не выдержит и притянет к себе Катерину, и все случится прямо там, на полу, в крови только что убитой им собаки, рядом с еще теплым телом. Он вышел в дождь, в парк, где с остервенением до самого рассвета копал в мокрой земле непомерно глубокую, человеческую могилу для своей любимой собаки.

Утром, узнав от Клопихи, что собака умерла, Анна с облегчением вздохнула:

– Хорошо, что никого не заразила. Закопайте ее поскорее.

Николай ходил смурной уже две недели, ни с кем не разговаривал и не приходил завтракать с Наташей, не пошел к литургии, не появился и к обеду в воскресенье.

Взволнованная Анна отправила Клопиху к Татьяне Васильевне. Та написала записку и срочно вызвала своего Николу к себе.

Татьяна Васильевна была большой любительницей раскладывать пасьянс. Загадает что-нибудь, а потом сидит, мучается и гневится. Упрямая – пока не сойдется, из-за стола не встанет, хоть бы и пожар. Когда совсем не сходилось, возьмет, да тайком карту переложит: «Ничего, один раз не грех».

Когда сын явился в Малинники, старая вдова задумчиво раскладывала карты. Не встала его встретить, как обычно, не поцеловала.

Николай подошел, приложился к ее руке и сел рядом.

Не глядя на сына, старуха, словно невзначай, поинтересовалась:

– Ну что там с собакой этой, Никола?

– Застрелил, маменька.

– А с девкой что?

– С какой девкой?

– Сам знаешь.

– Не знаю.

– Не крути у меня. Что ты натура чувствительная – то, конечно, не новость, но что по собаке две недели убиваешься – ни в жизнь не поверю, какой бы она ни была. Да ты и не первую за свою жизнь хоронишь.

– Эта первая такая.

Татьяна Васильевна, будто не слыша, продолжала раскладывать пасьянс:

– Девка, конечно, красивая, молодая – спору нет. Но ты жену-то пожалей. И так она малахольная. Совсем с ума сойдет – нехорошо. И наследника твоего, даст Бог, под сердцем носит.

– Да все время про нее думаю – мочи нет, – признался Николай.

– Отошли ты ее от греха подальше, Никола.

– Не могу, хоть какая-то отрада – видеть ее.

– Экономка твоя говорит, ворон давеча в покои залетел – не к добру это.

– Что ж мне, всю жизнь с ней маяться, с нелюбимой?

– А ты как хотел? – Мать с негодованием отложила карты. – Миловаться до старости, конечно? Никогда такого не бывало и ни у кого – пусть сказки-то не рассказывают. Ты думаешь, я с отцом твоим миловалась? Как дети народились – так и забыли друг про друга. Но уважать друг друга – всегда уважали. – Помолчав, добавила, накрыв его руку своей и пристально глядя в глаза: – Не там ты счастье ищешь, Никола. Все думаешь, что женщина придет и счастливым сделает. А оно вот где. – Мать положила ладони на грудь сына, туда, где сердце. – Понял?

Николай задумался: «Права мать: если счастья в тебе самом нет, то никто другой тебе его не даст, а даст, так ты и не заметишь».

– Да она даже не знает ничего, эта девочка, ни о чем не догадывается.

– Что тут догадываться? Даже я, старуха, дома сидючи, обо всем догадалась. Отошли ты ее, пока не случилось какой беды.

– Не трону я ее. Пойду я, маменька.

– Ну иди, сокол мой. И глупости эти, конечно, брось. – Мать тяжело поднялась и обняла Николая, поцеловала в обе щеки и перекрестила.

Николай ехал от матери домой и думал, что жизнь уже кончена, осталась только забота о детях и имени. Зачем тащить в эту бездну и Катерину? «Я хочу лучшего для нее, но сам счастье дать не в состоянии. Кто же я после этого, если воспользуюсь невинностью, возьму, что хочу, но жизнь чужую загублю? Нет, если уж намерения мои чисты, помогу Катерине – научу грамоте. Буду другом, выдам замуж, стану крестным отцом ее детей, черт возьми. Откажусь от своих желаний и тем самым спасу ее».

В тот же вечер, воодушевленный своим порывом, уверенный в своей правоте, Николай распахнул двери детской. Наташа уже крепко спала, розовощекая, накормленная и умытая, утомленная долгими играми и прогулкой по парку.

Катерина при свете керосиновой лампы вышивала платье для девочки. Николай заметил, что девушка встревожена и даже боится его. Родство и единение, возникшие между ними во время детских завтраков, исчезли, появилась скупая, гнетущая неловкость. Николай не знал толком, как себя вести, чтобы поправить положение, и растерянно присел рядом. С Катериной он чувствовал себя другим: не хозяином имения, барином, а просто человеком, который имеет право быть слабым и не скрывать это.

– Ты прости меня. Тогда, с собакой, я неправильно и грубо вел себя с тобой. Я был расстроен, – сбивчиво забормотал Николай, не зная, правильно ли он объясняет, и снова злясь на себя, что нет, не то надо сказать, а что-то другое.

– Это вы меня простите.

– Я благодарен, что осталась со мной. А я обидел за это. Простишь меня?

– Конечно, барин. Да и не в обиде я.

Обоим стало легче – ведь несколько недель они не разговаривали и сильно тяготились этим, не зная, как поправить положение.

– Хочешь, научу тебя читать?

– Зачем мне, барин? Господь с вами!

– Да письма будешь родным писать.

– Глашка и читать не умеет.

– Ничего, ты ее сама научишь. И писать тоже.

– Правда?

– Конечно! Смотри, я тебе и букварь принес. – Николай вытащил свой старый детский букварик.

Катерина недоверчиво взяла книгу, провела пальцами по шероховатой обложке.

– Это мне? Он мой?

– Твой.

– Мне никогда ничего не дарили.

– А я дарю. Владей. Вот смотри – буква Аз. Видишь?

Катерина растерянно повторила:

– Аз.

– Завтра в то же время приду и остальным буквам тебя обучу.

Катерина не решалась спросить. Наедине видеться с барином по вечерам?.. Бабка бы такого не одобрила.

– Барин, а Анна Ивановна не против?

– Не против. До завтра.

Николай лукавил – с женой он про Катерину с тех пор не говорил, но знал: Анна ничего больше не скажет, боясь, что он передумает отпустить ее в заветную Москву. Отношения между ними после того разговора сошли на нет: они едва замечали друг друга, думая каждый о своем, строя каждый свои планы, независимо друг от друга.

Да и в чем его можно упрекнуть? Что обучил крестьянскую девушку читать? Никаких других намерений у него нет.

За несколько недель до Рождества лиственницы у крыльца барского дома укрылись долгожданным снегом. Уже к полудню пруд замерз, а на его поверхности ровным полотном выделялся идеально белый круг, который вместе с тропой вдоль аллеи казался огромной ложкой, заполненной манной крупой.

На следующий день Николай проснулся рано утром, еще засветло, и увидел, что снег с вечера уже не шел, а это значило, что проголодавшийся за день заяц вышел ночью на кормежку, оставляя на чистой белой земле свои пахучие следы – малик, ведущий к логову. Николай решил отправиться по длинной пороше тропить русака: день обещался погожий и светлый.

После смерти Берты Николай не охотился: помнил, чего стоил ему азарт в последний раз. Но старая привычка взяла свое – не смог усидеть на месте, и снова мысль о предстоящей охоте целиком захватила его.

Как его отец и дед, Николай был заядлым гончатником: в юности, когда его впервые взяли на охоту, гон показался особой сладостной музыкой, от которой всколыхивалась мелкой рябью грудь, потели руки и дрожали пальцы. Дед, старый Вольф, тот не только гончих, но еще и осо-

бую породу борзых разводил, держал псовую охоту, гремевшую на всю Тверскую губернию: на шестьдесят собак аж двадцать человек прислуги. С тех пор многое изменилось: ни доезжачего, ни стремянного, ни выжлятников, ни псарей, ни корытничих²⁵ – все канули в Лету, да и борзых в обедневшей усадьбе пришлось извести.

Наспех позавтракав и взяв пару гончих, подаренных Павлом, Николай верхом отправился на поля в сторону Глазунова, на озимь, где обычно жировали зайцы.

Первый снег лежал на полях, наспех укрыв траву и кусты на межах, то тут, то там оголяя пожухлые островки травы и сухие ветки чертополоха и полыни.

Близ деревни, найдя на озими место жировки по множеству перепутанных следов, Николай, опытный охотник, укоротил шаг лошади и легко определил выходной след – по крупным заячьим прыжкам, ведущим в сторону от жировки²⁶, и стал порскать²⁷ собак.

Гончие взяли след и ринулись разбирать запутанные «двойками» и «тройками» петли косога. И вот одна из гончих натекла на зверя, подала голос и наконец стронула зайца.

Рыжеватый с проседью, в серых панталонах русак опрометью бросился по полю, оставляя на белой пелене четкие отпечатки своих длинных вспотевших лап. Гонный заяц нарезал большие неровные круги по заснеженному искрящемуся на солнце полю. Вот он скинулся²⁸ в сторону, но собаки не «скололись», не бросили его – отменные гончие: вязкие, чутыстые, паратые²⁹, которые быстро выматывают зайца.

Заметив, что зверь начал уставать и переходить на малые круги, Николай приготовился выбирать лаз, чтобы подстроиться под гон и взять зайца метким выстрелом.

И тут зверь снова скинулся – на дорогу, изъезженную дровнями, и увел гончих на новый круг на соседнее поле, отделенное небольшим, покрытым запорошенным репейником оврагом. Гон слышался далеко, во всех переливах, ход зайца определялся четко. Сердце Николая бешено колотилось в азарте: «Вот сейчас я тебя возьму!»

Уверенный в своем трофее охотник решил пойти против ветра, дал шенкеля кобыле и помчался через овраг. Не заметив упавший, присыпанный снегом ствол дерева, лошадь споткнулась, и Николай, уже предвкушавший скорый меткий выстрел, забыв о бдительности, вылетел из седла и больно ударился о мерзлую землю головой.

Ему, опытному охотнику и наезднику, приходилось падать и раньше, но сейчас это случилось особенно неожиданно и нелепо.

Николай лежал, раскинувшись на припорошенном поле, и смотрел в синее, без единого облачка, зимнее, торжественное небо. Не мог пошевелиться. Голова, спина – все тело болело. Где-то вдалеке собаки преследовали русака. Николай лежал и думал, что всего секунду назад мог все отдать, лишь бы взять этого зайца. А теперь ему все равно. Он останется здесь, пока не замерзнет. Дома привыкли к поздним возвращениям, никто не хватится... Интересно, заплачет ли Катерина?

Ее образ стал таким ясным и живым, что Николай сам чуть не заплакал от досады. Судьба все это время находилась рядом с ним, но глупые предрассудки, придуманные препятствия мешали ему стать счастливым. А теперь он умрет и никогда не узнает, каково это – неистово, страстно любить и быть любимым.

К лежащему на земле неподвижному Николаю подошла успокоившаяся лошадь и начала ласково перебирать своими влажными теплыми губами его заоченелые пальцы. Николай уцепился за гриву и, собрав последние силы, сел на землю. Голова шумела, все вокруг плыло,

---

²⁵ Псарь – надсмотрщик за собаками; доезжачий – старший псарь; стремянный – конюх; выжлятник – охотник, ответственный за гончих; корытничий – псарь, который кормит собак.

²⁶ От места кормежки.

²⁷ Побуждать идти по ходовому следу.

²⁸ Прыгнул.

²⁹ Быстрые.

покачивалось и расплывалось. К счастью, кобыла стояла смирно и, слегка подрагивая, ждала хозяина. Еще чуть-чуть, Николай с усилием поставил сапог в стремя, подтянулся и перекинул непослушную правую ногу через седло. Шепнув «домой», лег на лошадь, отпустив бесполезный повод. Кобыла шагом, переходя на рысь, понесла его к усадьбе.

Дома, не сказав никому ни слова, оставив нерасседланное животное прямо у крыльца, Николай одеревеневшими ногами поднялся в кабинет и упал без сознания на диван.

На следующий день, ожидая Катерину на урок, Николай нервно шагал по кабинету из угла в угол. Голова все еще порядком гудела. Он многое передумал за это время.

Хотел закурить, но не стал – и так хорошо. Предвкушение скорой встречи с Катериной будоражило его. Николай наконец почувствовал себя счастливым и радовался, что, оказывается, нужно так мало – отдаться своим чувствам к этой девушке, говорить с ней и думать, думать, бесконечно думать о ней. Николай понял: он имеет право любить и быть любимым, разрешил себе это. Не хотел соблазнять Катерину, пользоваться ею, но решил открыть свои чувства – и будь что будет! Пусть сама решит. Как знать, что для нее благо: быть любимой Николаем, не знать забот или влачить полуголодную жизнь с каким-нибудь неграмотным крестьянином?

На столе в кабинете маленьким зверьком тревожно бился огонек свечи. За плотно зашторенным окном по-волчьи завывал ветер, а в только что затопленном камине трещали березовые поленья.

Катерина с маленькой Наташей, закутанной в теплую беличью шубку, до начала сумерек катались на санках с горки. Девочка визжала от радости и умоляла: «Еще катай, еще!»

Вечером вконец измотанная Катерина укладывала Наташу спать – беспокойная девочка все никак не могла уgomониться, требовала рассказать сказку, а потом еще и еще. Катерина протяжно и тихо, думая о своем, запела колыбельную, которую ей в детстве напевала бабка Марфа:

Спи се с Богом,
Со Христом,
Спи со Христом,
Со ангелом,
Спи, дитя, до утра,
До утра, до солнышка...

Катерина быстро выучила буквы и начала одолевать чтение по слогам. Заниматься очень нравилось. Она и не думала, что когда-нибудь освоит грамоту, – все обстоятельства препятствовали этому: ни бабка, ни отец не разрешали ходить в приходскую школу. А тут вдруг тайная мечта оказалась достижимой. «А вдруг, выучившись грамоте, я стану ровней Александру?» Мысль о нем и об их единственной встрече не покидала ее, не блекла среди новых впечатлений жизни в усадьбе. Катерина изо дня в день, просыпаясь и засыпая, думала о таинственном путнике, с которым всего на несколько минут свела судьба. В свою первую ночь в барском доме по научению Глаши она загадала: «на новом месте приснись жених невесте»; и действительно приснился Александр, который о чем-то спорил с Николаем. Может, он однажды вернется, как и обещал?

Николай оказался хорошим и терпеливым учителем. Увидев его сегодня вечером, Катерина заметно обрадовалась: в первый урок робела, но постепенно привыкла и перестала бояться. История с собакой, так поразившая и испугавшая, забылась. Николай хвалил ее –

и страх перед ним заменился уважением, благодарностью и даже привязанностью. Катерина ждала этих встреч, досадовала, если приходилось отменять уроки.

К вечеру Катерина устала и разомлела – после целого дня беготни, катания на санках по мягкому скрипучему снегу так приятно было сидеть в тепле в уютном кресле.

Николай поставил бокалы и налил ей и себе вина. Сегодня он выглядел необычно взбудораженным:

– Снегу-то сколько намело, я целый день вчера за зайцами гонялся – продрог весь.

Он пододвинул бокал.

– Что вы, барин, я не пью – меня мать убьет! – испуганно замахала руками Катерина.

– Так уж никогда не пробовала? Невозможно, – удивился Николай. – Да я думал, в деревнях младенцы вместе с молоком матери самогон сосут.

– Вот вам крест – никогда. Мать сказала: кто будет пить – тот, как папка, бедный будет.

– Твой отец – Бог с ним, а ты, можно сказать, уже читать научилась. Решайся же. Выпьем. За тебя!

Катерина засобиралась уходить:

– Пойду я, барин, завтра почитаем.

– Чего же ты испугалась, милая? Никто тебя не заставляет. Остайся...

Николай присел рядом на корточки и умоляюще посмотрел ей в глаза.

Вино казалось таким манящим, красиво искрилось в хрустальном бокале, отбрасывавшем пугливые тени на стене. «Всего глоток – что от него будет? Вон папка бутылку самогона выпивает – и ничего, работать идет».

Катерина пригубила немного, потом еще немного. Ее разморило еще больше.

Николай сел рядом, придвинув кресло, и, укрыв своей горячей ладонью кисть Катерины, стал медленно водить ее пальцем по прыгающим строкам в книге, которая, вывернув страницы на обозрение, призывно раскинулась на лакированном столе:

– Бу-ря мгло-ю не-бо к-ро-ет...

К концу стихотворения Николай замешкал. Почувствовал: сейчас! Не в силах больше сдерживаться, он задумчиво полистал книгу и, найдя нужные строки, стал читать, меняя тембр, переходя на едва слышимый шепот:

– И мо-чи не-т, с-ка-за-ть же-ла-ю,

Мо-й ан-ге-л, ка-к я ва-с лю-б-лю!

У Катерины закружилась голова, стало нестерпимо жарко, буквы понеслись бурной полноводной рекой у нее перед глазами. Николай, опьяненный ее близостью и вином, придвинулся еще ближе. Катерина почувствовала его горячее, прерывистое дыхание у себя на шее:

– У тебя, наверно, спина болит – сегодня весь день санки таскала, – чуть слышно прошептал Николай. – Так нельзя. Ах, какая нежная шея, совсем ты на крестьянку не похожа. – Он, едва касаясь, кончиком пальца осторожно провел по выступающему шейному позвонку, под нежным, еще детским робким пушком.

Катерина вздрогнула, обернулась – и в этот миг ее настиг поцелуй Николая.

Сначала удивленная, потом обрадованная, очумелая от нахлынувших на нее чувств, она стала страстно отвечать на его поцелуй. Мысли опрометью проносились в голове: Николай – моя судьба! Он любит меня! Я ведь тоже давно люблю его – как сама не замечала?

Откуда что взялось? Будто не в первый раз эта девочка целовала мужчину, ей уже казалось, что он давно принадлежит ей, а она – ему.

Их пальцы переплелись, и Катерина почувствовала вдруг, как больно ужалило его обручальное кольцо.

– Ой Господи, что же я делаю-то? – Катерина начала вырываться.

Николай не выпускал ее из объятий, продолжая горячо, одержимо целовать ее шею:

– Останься, останься со мной – ничего плохого мы не делаем.

Катерина испугалась, оттолкнула его неожиданно сильно и опрометью выбежала из кабинета. Гулким эхом в голове пульсировал его голос:

– Катерина! Постой!

Слетев на первый этаж по лестнице, задыхаясь, Катерина на цыпочках прокралась на кухню:

– Агафья.

В ответ последовал звериный, неестественный для женщины, храп кухарки.

Катерина снова позвала:

– Агафья.

Наконец под тулупом за печью кто-то завозился. Показалась растрепанная бабья голова:

– Оюшки?

– Домой я иду, Агафья. За Наташей присмотри – вдруг ночью проснется?

– Дак чего случившись-то?

– Ничего – домой мне надо.

– Дак что, помер кто? – не унималась любопытная кухарка, даже спросонья не терявшая бдительности.

– Присмотришь за ребенком или нет? Пора мне. Скажи, отец за мной послал – ехать надо.

– Да ехай, Господь с тобой, – отозвалась Агафья, протяжно зевая и укрывая кожухом крепко спящего рядом с ней Ермолая.

Катерина быстро набросила овечий тулуп, наспех завязала мохнатый платок и сунула ноги в валенки.

Перекрестившись, выбежала на заснеженную дорогу, что вела от имения в село. Над церковью, над самым крестом колокольни, будто свысока осуждая Катерину, злобно щерился месяц.

«Ох, грех-то какой!» – думала Катерина. Слезы лились сами собой, неприятно обжигая холодные щеки.

Ночь стояла морозная, гулкая. Вновь выпавший после обеда снег хрипел под валенками в такт ее колотящемуся сердцу. Катерина пожалела, что забыла в доме рукавицы, – они беззаботно сохли на печке после катания на санках. Замела поземка, крутясь и поднимая полы тулупа. Снег проникал под тонкий подол платья и окутывал холодом озябшие коленки в тонких вязаных чулках. Скоро стало тяжело идти. «Вернуться?» – тревожная мысль запульсировала в висках, во рту пересохло.

Николай на лошади, запряженной в сани, догнал ее, замерзающую, уже на окраине села.

Катерина, увидев его издали, испугалась: «Ой, убьет он меня, грешную!» – и побежала прочь с дороги в сторону леса.

– Садись!

Катерина обернулась, ожидая увидеть злое лицо, но Николай, при свете месяца, оказался спокойным и усталым.

– Да садись, говорю. Ты околеешь здесь – до греха не доводи! Отвезу я тебя в Дмитрово.

Катерина стояла, не в силах пошевелиться. Николай вылез и решительно затащил ее в сани, укрыв теплой шкурой.

– Да ты замерзла совсем! – Он стал с силой растирать ей руки и щеки.

Катерина поразилась, увидев, что он плачет:

– Я давно люблю тебя, с самого первого дня, как увидел. Неужели ты не знала?

Катерина тоже заплакала-запричитала:

– Ах, Николай Иванович, барин, это я виновата – сбила вас с толку... Одна беда от меня. Это я вас попутала! И перед Анной Ивановной как стыдно! Как же мне жить после этого?

Николай нетерпеливо хлестнул вожжами лошадь, направляя сани по еще не заметенной поземкой дороге:

– Ты же знаешь, видишь, что не люблю я ее, не могу любить.

– Что мне с того? Как же я людям в глаза после этого посмотрю? А детям вашим? Ох, грех-то какой.

Катерина залилась слезами.

Николай отпустил вожжи, схватил Катерину за мокрые от слез руки и заговорил горячо, как будто не существовало на свете другой истины:

– Послушай меня: в любви нет ничего противоестественного. Ты же любишь меня – я теперь знаю! Все будет так, как ты хочешь, Катерина. Не захочешь, ничего не будет – я тебя не неволю. Ты свободна поступать как знаешь.

Эти слова взяли ее за живое. «И действительно, что плохого в любви? Он любит меня, а я его! Мы люди Божьи». Но какое-то плохое чувство, ощущение беды вдруг захлестнуло ее. И она, только что мечтавшая снова целовать его, обнимать его шею, все ему простить, даже то, что никогда еще не случилось между ними, взмолилась:

– Отпустите меня, Николай Иванович, Христом Богом молю!

Николай замолчал. Как же возможно отпустить ее, когда счастье прошло так близко? Нет, все же ее воля, ей решать. Если любит – будет моею, и я подожду, сколько бы ни пришлось.

– Хорошо, послушай меня. Скажу дома, что матушка твоя заболела, и я отвез тебя домой на Рождество. Но после Святков приеду за тобой. Захочешь – поедешь со мной, нет – останешься.

Катерина молча кивнула, утирая щеки насквозь промокшим от слез холодным тулупьим рукавом.

– Но-о-о! А ну пошла! – Николай погнал лошадь к Дмитрову.

В деревне, не прощаясь, Катерина соскочила с саней, с тревогой оглянулась на Николая и побежала к избе.

В окнах света не было – Бочковы уже спали. Катерина забарабанила в дверь. Родители испугались – не случилось ли чего. Федор в одном исподнем подкрался к двери:

– Кто?

– Я, папка,пусти!

Катерину впустили в темный, еще окутанный дремотой дом. Глаша, узнав ее, первой кинулась обнимать, Тимофей испуганно притих на печи. Он не видел свою Катю несколько месяцев, и она показалась незнакомой, взрослой и чужой. Даже голос ее стал другим.

– Чегой-то ты, Катюшка? – Мать в одной нижней рубахе запалила керосинку.

– Соскучилась я – сил нет! – Катерина заплакала. Глаша завывала вместе с ней.

– Ох, темнишь ты что-то, Катюшка! – почувяла Дуська. – Сделала что? Выгнали тебя или что?

– На Рождество хозяин отпустил погостить. Потом обратно заберет.

Катерина решила не пороть правду прямо сейчас, так ей было стыдно.

– А за этот месяц целиком заплатит или вычтет неделю? Или что? – забеспокоилась мать.

– Не зна-а-а-а-ю-ю-ю!

– От же ж грех на нашу голову!

– А бабка где? – спохватилась Катерина.

– У Моти, где ж еще? Глашка не сказала тебе? Или что? Перебралась к ней на Покров.

Катерина не бывала дома с конца августа – когда ее отправили к Вольфам. Все осталось по-старому: сладковатый запах топленой печи перемешивался с ароматом коровьего молока;

на столе, накрытый вышитым ручником, угадывался испеченный накануне хлеб. Но сама изба показалась маленькой и незнакомой. В загородке прямо на полу, в ворохе сена, среди черных катышков спали новорожденные козлята. Катерине подумалось, что в доме неприятно и грязно, но тут же стало стыдно за чувство непонятно откуда взявшейся брезгливости, и от этого сердце сжалось еще больше. Слезы брызнули из глаз сами собой.

Катерина сидела на лавке и плакала:

– Барин... меня...

– Что? Побил, что ли-то? – не понимал Федор.

Сметливая Дуська вытолкала Федора из дома:

– Ты это, иди там, того, дров принеси, или что. Вот бестолочь какая, болтается тут!

– Так это... вчера еще наносил-то. И ночь на дворе. – Федор в растерянности топтался в дверях.

– Иди, говорю тебе, мало их! Вон завьюжит сегодня, топить много надо. Ну? – Мать придвинулась к Катерине. – Было у вас чего? Или что? А ты, Глашка, живо спать! Нечего тебе тут.

Глаша нехотя стала укладываться рядом с Тимофеем, в надежде что-нибудь услышать, но мать и Катерина шептались тихо, что не разберешь. «Ладно, завтра сама мне все расскажет!» – проваливаясь в сон, лениво успела подумать Глаша.

– Ой, мама! Стыдно мне как! Не могу! – выла Катерина.

Ее мучил страх из-за того, что произошло в усадьбе, но еще и оттого, что и весь дом, и Дуська ей показались чужими. Все в матери стало будто незнакомым – седые растрепанные волосы, грубые, покрасневшие от работы кряжистые руки. Зачем она рассказывает все это здесь? Поймут ли ее? Защитят ли? На ее ли они стороне?

– Ну, что не можешь? На то он и барин. Не в крепости мы боле, но барин, он всегда барин. Он много чего может. Будешь умная – в обиде не оставит. Да и от тебя кусок не отвалится!

– Не говори никому, мама, и папке не говори, Христом Богом прошу!

– Не скажу, не скажу. Чего обещал-то тебе?

– Обещал? За что?

– Ну за то, за это самое!

– За что, мам? Ничего не обещал. Что обещать должен? Поцеловал меня. Потом я домой побежала. Ой, стыд-токакой!

– Поцеловал? И все? И ты уж сразу домой? – опешила Дуська.

– А что еще надо, мам?

– Ох-ох-ох! Горе мое горькое! И чего ты приехала-то? Или что? Тоже мне горе: барин поцеловал! А после Рождества возвращайся-ка ты взад, говорю тебе! И не крути – вижу я, что ты задумала. Отказаться! О как!

– Как же ж? Стыдно же!

– Выгонют – взад не возьмут. Вертайся. А там по-старому все, глядишь, и сладится, или что. Да и барин-то какой: красивый, статный! Одно удовольствие.

– Не гони ты меня, мама! Может, стану по-прежнему у вас жить, вам с отцом помогать?

– Молись Николаю Угоднику, чтобы обратно тебя взяли! Дурка ты моя. – Дуська обняла Катерину. – Ну что ж ты хочешь? Как я? Или что? Всю жизнь битая да голодная? Чтоб свекровка проходу не давала, придиралась? За работой не видать ничаво? Вертайся! Можя, другая доля у тебя будет. И бабке – цыц! – не говори – изведешь ее зря.

Утром Катерина, наспех позавтракав, побежала за советом к бабке Марфе. Дуська, Глашка и Тимофей расспрашивали об усадьбе и хозяевах, что едят, как спят, много ли

у хозяйки платьев, но Катерина погрузилась в свои мысли и рвалась пооткровенничать с бабкой, как всегда поступала с тех пор, как себя помнила.

Марфа жила теперь у Моти. Проводив Катерину в Берново, бабка от переживаний сильно сдала. Дуська, воспользовавшись моментом, таки перетянула большинство.

Прибежав при первой же возможности в Мотин дом, Катерина, увидев бабку, не узнала ее: Марфа сидела на лавке, подперев сухой рукой дряхлый подбородок, и подслеповато шурилась. Совсем недавно крепкая и бойкая, бабка всего за несколько месяцев превратилась в древнюю старуху.

– Тебя ждала, – шепнула Мотя, – сон давеча видела.

Катерина, всхлипывая, бросилась к бабке Марфе и положила ей голову на колени.

– Бабушка, родненькая ты моя!

– Ну полно тебе, полно, Катенька моя любимая. – Было заметно, что бабка с трудом сдерживала слезы, боясь расплескать все накопившиеся в ней переживания за внучку, и изо всех сил старалась оставаться спокойной. – Ну, Федор сказал, что на побывку приехала? Надолго ль? – Марфа стала шарить по столу в поисках чашки, и Катерина поняла, что бабка в ее отсутствие совершенно ослепла.

Катерина не могла сдержать слез. Это все она виновата, оставила ее! Ощущение потери захлестнуло, а вместе с ним и страх показать свои мысли, передать их бабке и тем самым расстроить. Впервые она почувствовала себя по-настоящему взрослой, обязанной сделать выбор в пользу дорогого ей человека, поступившись своими желаниями и не испытывая сожалений.

– После Святков вернуться сказали. – Катерина поспешила успокоить бабку. – Все хорошо, скучала только очень.

– А я вот видишь как. Но все еще в силе – вон и пирожки постненькие с Мотей лепила! А, Моть, скажи? – бодрилась бабка.

– Что да – то да! Тут уж не отнимешь, – ворочая в печи рогачом, согласилась Мотя.

По дороге в родительский дом, проваливаясь в липкий, тугой снег, Катерина решила остаться в деревне, ухаживать за бабкой: «Как я могла думать о своем счастье, вспоминать об Александре, когда в это же самое время милая моя бабушка ослепла?»

Катерина задыхалась от вины перед бабкой, прочно перемешанной со стыдом перед Анной и Николаем. Чувства к Николаю оказались неожиданными, и то, с какой легкостью она откликнулась на поцелуй, пугало. Как быстро поддалась соблазну! Ничего общего со светлыми мечтами об Александре. «И Александра тоже предала! Я плохой человек, дрянь. Пусть Бог накажет меня за это!» – подумала Катерина, и на душе ее потеплело.

Но понемногу страсти улеглись: навещая каждый день бабку Марфу, Катерина поняла, что Мотя хорошо заботится о ней и нисколько не тяготится ее слепотой. Та тоже привыкла к своей немощи и даже где-то радовалась, что не приходится прясть и шить дни напролет, беспрестанно собачась с Дуськой. Жизнь мудро все расставила по своим местам без участия Катерины. Николай и то, что случилось между ними, тоже постепенно сглаживались в памяти, и Катерина начинала сомневаться: было ли это на самом деле?

Дома не сиделось, не спалось, разговоры домашних казались скучными. Даже с Глашей они отделились. Катерину волновало другое, а что – признаться в этом никому не могла. Огонек, зажженный Николаем, не погас: ей захотелось другой доли. Нет, не с Николаем – Катерина запретила себе думать о нем, глуша воспоминания о поцелуе. Она мечтала научиться читать. Ей казалось, что жизнь изменится, и не знала, что перемены уже свершились и навсегда изменили ее судьбу.

До этой зимы в шестнадцатилетней Катерине никто не видел невесты – ни родители, ни односельчане. Бабка Марфа воспитывала строго, с молитвами, «на круг» и на вечерины, где

обычно встречались девушки и парни, не пускала. И видели-то Катерину только лишь в церкви или в поле за работой. Да и худенькая росла, молчаливая, не в пример ядреным крестьянским девкам, которых разбирали в первую очередь, с их разухабистыми грудями, увешанными рядами бус, и сверкающими из-под юбок ладно сбитыми икрами.

Но известие о том, что Бочкова дочка работала у Вольфов и приехала погостить, быстро облетела деревню. Приезд Катерины обрастал новыми подробностями: и что барин на золотой карете привез, и что лисью шубу подарил, и так далее, и так далее. К Бочковым зачастили посетители: то муки у Дуськи занять, то Федора что по хозяйству спросить, а то и прямо говорили: «Зашли Катюху вашу посмотреть». Ею впервые заинтересовались, стали рассматривать и... обомлели. Батюшки! Так старшая-то Бочкова дочка – красавица! Своя, деревенская, и в то же время загадочная какая-то: говорит по-новому, знает, что и когда сказать, держит себя скромно, но с достоинством, к Рождеству избу-то как украсила, вышивает как – мастерица! Вся деревня зашла гулким шепотом. Сначала заговорили любопытные бабы, потом – завистливые языкатые девки, и вот уже весть добежала до хорохористых парней. Те высматривали Катерину, томились, выжидали ее, щелкая семечки на морозе и стараясь как бы невзначай встретиться с ней по пути к бабке Марфе или от нее, но заговорить не решались. На Рождество братковский храм был полон: пришли даже те, кто редко заглядывал, – посмотреть на старшую Бочкову дочь. Прихожане, увидев ее, единодушно сошлись: красивая девка, но без приданого, отец пьющий, да и что у ней на уме – не понять. Но парни, как один, загорелись: как бы эту ягодку сорвать, да пораньше остальных. Во многих избах Дмитрова и Браткова, где были парни впору жениться, в тот вечер не смолкали разговоры. Однозначного мнения не сложилось: Катерина отпугивала своей непонятностью. Уехав из деревни всего на несколько месяцев, она стала чужой.

Катерина, не привыкшая к постороннему вниманию, мучимая стыдом и занятая мыслями, как свой грех исповедать и искупить, никаких изменений по отношению к себе не заметила. Выходя из дома на улицу, торопилась к бабке и думала о ней, возвращаясь, проходила тот самый колодец, где всегда брала воду, – и воспоминания роились вокруг Александра. В Сочельник говела, в церкви молилась об отпущении грехов и о здравии рабов Божиих Николая, Анны и Наталии, ставила свечку Тихвинской и Нилу Столобенскому с мольбой направить ее и указать, как правильно поступить.

На следующий день, как стемнело, в дом Бочковых постучали. Заранее предупредив Дуську, явились первые сваты. Та их уж поджидала, спозаранку хлопоча у печки, не сказав дочери: даже если Катке не понравится парень, то «худой жених хорошему дорогу укажет». Дуська безошибочно почуяла общий интерес к Катерине и не хотела прогадать: вдруг кто из зажиточных посватается? Тем более что барин и эти все его поцелуи – дело ненадежное.

Сваты, Малковы, чинно поклонились и сели на «длинную» лавку: Митрий, здоровый, лобастый жених – под матицу, а мать с отцом его – рядом, ближе к двери – «чтобы дело сошлось». Глашка с Тимофеем в ожидании притихли на полатах.

Малковы не из зажиточных, но Митрий, единственный сын, был самолюбивым, наглым и драчливым: чуть что не так – бил жестоко. Связываться с ним боялись даже стражники.

Дуська не торопилась накрыть на стол, чтобы зря не тратиться, – вдруг Катерина заартачится?

Разговор не клеился. Федор растерянно хлопал глазами и то и дело порывался сказать: «Да вот Катка, дочь-то моя старшая». Что еще говорить, не знал. Дуська то и дело начинала нахваливать дочь: и красавица, и мастерица, и работающая. Но скоро и этот поток иссяк.

Сваты молчали. Митрий исподлобья сверлил Катерину глазами.

Наконец поняв, что дело не ладится, сват Семен Малков, до последнего сомневавшийся, вынимать или нет, выщедил из-за пазухи покрытую волосками овечьего тулупа запотевшую бутылку самогонки. Дуська метнулась за чарками и вынесла немного кислой капусты – закусить.

Тем временем вся деревня уже знала, что к Бочковым приехали сваты. К окнам, горячим дыханием растапливая расписную морозную наледь, прилипли любопытные. Парни, которые только собирались засыпать, переживали и пеняли своим, что не поехали сегодня, и ждали весть: пойдет Катька за Митрия или нет. Многие не сомневались, что пойдет: Митрий статный и красивый, многие девушки на него засматривались. Соседские девки на выданье мигом растащили из саней Малковых все сено и солому и стали разносить по своим дворам, «чтобы другим женихам дорогу указать», а к саням сватов привязали веник, «чтобы женихам дорогу разметал».

Наконец уже изрядно подвыпившие и закусившие одной лишь кислой капустой сваты отправили Катерину и Митрия в сени «пошептаться»: если молодые договорятся между собой – значит, дело слажено и можно назначать «сговор».

Катерина сама не своя вышла в холодные сени. От стыда не знала, что и делать. Видела этого парня пару раз, когда он довольно насмешливо и даже зло смотрел на нее. Катерина не ожидала, что кто-либо, а тем более он, может приехать свататься.

– Ну, пойдешь за меня? – Митрий придавил ее к холодной заиндеветшей стене, бесцеремонно прижимаясь к ней всем своим жилистым телом.

От него веяло опасностью, как от дикого зверя, готового прыгнуть и вцепиться в глотку. Катерина испугалась. Что же сказать ему, чтобы поскорее отстал?

– Не пойду.

– Чего? – удивленно отшатнулся жених.

– Не пойду, – уверенно повторила Катерина.

– Как не пойдешь, сука? Опозорить меня хочешь? – все еще не верил Митрий. – Я ни к кому еще не ходил и отказов не принимаю!

– Не пойду.

– С другим, сука, снюхалась? – ослабившись, догадался Митрий.

– Ни за кого замуж не собираюсь и никому не обещала. Не пойду за тебя.

Такого поворота Митрий не ожидал. Знал, что девки на него засматриваются не просто так. Да и солдатская вдовушка, к которой частенько захаживал, не упускала случая приговаривать, заботливо снимая его сапоги и разматывая портянки: «Ну и пригожий ты парень, Митюшка. Кому таков достанешься?»

– Пожалеешь еще, сука! – сквозь зубы процедил жених, с силой стукнув кулачищем в стену, в верхке от головы Катерины.

Зло сплюнув на пол, Митрий ввалился в избу:

– Здесь нам не невеста! – И, не дождавшись родителей, пролетев мимо испуганной Катерины через сени, не взглянув на нее, выбежал во двор.

Малковы потрусили следом. Зеваки смеялись и свистели вслед:

– Ну что, не обломилась девка, а, Митька?

– Ейный гонор твой перешибет!

А Дуська шепнула:

– Ну, Катька, молодец! Теперича только успевай женишков привечать.

Катерина подумала: лучше умереть, чем такой муж. В совсем недавно покорной девочке незаметно для нее самой зрели решимость и желание новой жизни, которые Катерина только что стала осознавать и за которые она уже сейчас готова была бороться.

На Святки молодежь и дети, ряженные, ходили по Дмитрову Христа славить: голосисто колядовали, величали хозяев, собирая взамен баранки, блины и пироги.

Кто-то пел «Христос рождается, славите!», а кто-то заводил колядные частушки:

Коляда, подай блина, коляда!
Не подадите блина – коляда!
Корову за рога – коляда!
Подадите блина, прочь пойдем – коляда!

В тот же вечер решили гадать. При набожной бабке Марфе не гадали, а теперь, поддавшись общему веселью и подстрекаемые Полькой-соседкой, Катерина и Глаша осмелились наконец попробовать. Катерина сперва вяло отнекивалась, помня наставления бабки, но скоро уступила уговорам, сама не меньше сестры мучимая любопытством, каково это – гадать?

За Полей ухаживал свой, из дмитровских, – щуплый, шмыгающий носом, скромный работающий парень Кирюша. Сватов засылать пока рано, но влюбленные между собой уже обо всем договорились. Глаше, как и Поле, только исполнилось пятнадцать, и замуж тоже уже очень хотелось. Об этом открыто не говорили, но любая девушка в деревне втайне мечтала о скором сватовстве.

Сначала, чтобы узнать, откуда приедет жених, подруги вышли за околицу бросать валенки. Встали лицом к ветхому щелястому забору, три раза покружились по скрипучему снегу и с визгом бросили каждая через плечо свой валенок на дорогу.

У Глаши валенок упал ворсистым носком в сторону Бернова и Торжка, у Поли – носом в снег уткнулся, а у Катерины – куда-то на север. Деревень в той стороне соседних нет – одни леса и болота.

Глаша засмеялась:

– Не иначе как замуж за лешего выйдешь или за водяного!

Сердце Катерины екнуло – Николай к ним из тех болот попал. Что за наваждение. Он ведь женат – не бывать такому.

Поля застучалась:

– А мож, из Новгорода кто, а то и из Петербургу! Все правда – вот те крест! Пошли дальше гадать.

Катерина зарделась: конечно, из Новгорода! Как она сама сразу не догадалась? Неужели правда Александр вернется? Исполнит обещание?

Гадание Поли оказалось пророческим: через несколько лет, убитая ревнивым Кирюшей, она отправится в могилу – снег и будет ее суженым. А пока беззаботные подруги вытащили из омета соломы по колоску, чтобы узнать, богатой или бедной будет замужняя жизнь. Колосок Поли оказался пустым, предвестником бедной жизни, Глашин – полный зерна, к богатству, а Катерина вытащила странный колос – наполовину пустой, а наполовину – с зерном.

Полька взялась толковать:

– Значицца, за бедного выйдешь, а потом разбогатеете.

Катерина заволновалась:

– А можно так гадать, чтоб ответы на вопросы получить?

– Можно, чего ж нет? – Полька, в свое время обученная старшими, уже замужними теперь, сестрами, хорошо знала, что к чему.

Пошли гадать в баню. Запалили лучину, по очереди расчесали волосы деревянным гребнем и сняли пояса и платья, оставшись в одном исподнем. Глашка, наученная подружкой, выпросила у матери серебряное обручальное кольцо, которое Федор не осмелился пропить. К кольцу привязали черную нитку, и Полька стала медленно раскачивать его над шербатым стаканом, на три четверти наполненным студеной водой.

Дуськино кольцо, качаясь над водной гладью, то кружилось, то замирало, то стучало о стенки стакана, отвечая на вопросы девушек.

Катерина, условившись, что девушки никому не расскажут, о чем она гадала, задала свой первый вопрос:

– Вернуться мне в усадьбу к Вольфам или нет?

Катерина никак не могла решить, как поступить правильно. Здесь, в родной деревне, она уже стала чужой, и сватовство Митрия подтвердило это. Катерина не хотела больше той доли, которая была уготована ей при рождении: выйти замуж и остаться здесь навсегда. Но и отдаться Николаю невозможно, несмотря на то, что при мысли о нем ее обдавало жаром, голова начинала кружиться.

Кольцо, на секунду замерев над водой, качнулось и стало звонко стучаться о стенки стакана.

– Да, – перевела знающая Поляка. – Кольцо говорит «вернуться».

Катерина придвинулась поближе:

– Может, там я встречу моего суженого?

И на этот вопрос кольцо «ответило» утвердительно.

– Выйдет Катька взамуж в этом году? – вмешалась Глаша.

Кольцо снова весело зазвонило об стакан.

– Да! – радостно «перевела» Поля.

Катерина нетерпеливо спросила:

– Будет мне счастливая доля или нет?

Кольцо вдруг замерло на месте. Медленно и мучительно висело оно, покачиваясь, на нитке, отбрасывая зловещую тень на стене.

– Нет. Получается, что нет, – упавшим голосом истолковала Поля.

Девушки растерялись.

– Еще что спросишь?

Катерина, осмелев, спросила:

– Как зовут суженого? Может, Александр?

Кольцо тонким перезвоном отозвалось в стакане. Катерина обрадовалась: «Неужто правда?»

Глашка, которая из обрывков разговоров матери смогла кое о чем догадаться, со смехом задала свой вопрос:

– Катькиного суженого зовут Николай?

И кольцо снова застучало по стакану, подтверждая опасения Катерины:

– Что ж это значит? – растерянно, чуть не плача, спросила она гадалку.

– Значит, и тот, и другой, – развела руками подруга.

– Что ты! Брехня какая-то! – отмахнулась Глаша. – Не бери в голову, Катька, пошутила я.

– Спать пойдем, – решила Катерина. Она расстроилась. Замуж за Александра очень хотелось, а вот стать любовницей Николая – грех: мало счастья досталось от такой доли бабке Марфе.

На ночь решили все же напоследок погадать: нужно завязать пояса и сказать: «Суженый, ряженый, приди распояшь меня!» И суженый должен явиться во сне распоясать невесту.

Катерине долго не спалось – чуть ли не до рассвета ворочалась, пытаясь истолковать святочные гадания.

А под утро приснился ей сон. Она стояла на берегу реки, а темная вода завораживала своей силой, манила, пенилась желтоватыми бурунами в излучинах. Сильное течение тащило скользкие черные щупальца коряг, безжизненные пучки прошлогодней травы и мха.

Вдруг Катерина поскользнулась и упала в воду. Течение схватило, обездвижило и повлекло ее, не владеющую больше своим телом, потерявшую волю. Вода, которая с берега казалась бурно-черной, превратилась в желто-зеленую, потому что где-то наверху, бесконечно далеко, светилось небо.

Катерина закричала, выпустив остатки воздуха из легких, задергала занемевшими бледно-голубыми ногами, забилась и вынырнула. Ей показалось, что вдоль всего берега стоят женщины. Много женщин. Здесь были и мать, и бабка, и покойница-тетка. Но река неумолимо тянула дальше, снова угрожая утопить.

Катерина стала цепляться за ветки молодого ивняка, растущего вдоль извилистого русла. Острый каменистый берег ранил ее руки, колени, безжалостно отталкивая от себя... И вот ей удалось ухватиться за какой-то старый, торчащий из ила корень, а безразличное течение устремилось дальше. Катерина, сама себя не помня, оказалась на липком глинистом берегу. На своем месте, предназначенном ей по рождению.

Николай вернулся из Дмитрова совершенно больным, три дня метался в горячечном бреде. В память то и дело возвращались слезы Катерины, дробно капающие с подбородка, дрожащие губы, испуганные глаза и это безрассудное бегство прочь, подальше от него, по морозу, на верную погибель, и он винил себя:

– Я потерял ее, безвозвратно потерял – она не вернется.

Но на Рождество Николай встал, как обычно, поехал на литургию, отстоял молебен дома, играл с Наташей, дарил подарки родным, собравшимся в усадьбе на обед, и даже шутил с матерью и смеялся. Но что-то в нем надломилось. Он стал отстраненным, часто глядел прямо перед собой, не видя и не слыша того, что говорят захмелевшие гости, а то вдруг становился преувеличенно веселым и суевливым.

На следующий день Николая вызвали в Старицу в суд свидетелем по громкому делу об убийстве соседа – де Роберти.

Обвинялись лесник Прохор Данилов и горничная Марья Шарыгина. Выяснилось вот что: старик де Роберти много лет развращал своих молодых горничных. Лесник, проходя мимо усадьбы, увидел свою невесту Марью в объятиях старика. Недолго думая, выстрелил из ружья, пробив пулей двойную раму и попав помещику в грудь.

В зал суда вызвали Марью Шарыгину. Ввели невысокую миловидную румяную девушку в сером замызганном, очевидно, за время пребывания в камере, платье. Ее трясло, она плакала и шмыгала покрасневшим носом.

Присяжные с интересом рассматривали ее. В зал набились зеваки, которые ухмылялись и показывали: «Любовница де Роберти – смотрите-ка! Вот змея!» Но многие шептались: «Правильно сделала, поделом ему – уж скольких загубил».

Тугой на ухо председатель суда будничным голосом стал читать обвинение:

– Марья Шарыгина, вы обвиняетесь в том, что склонили Прохора Данилова убить помещика Евгения Валентиновича де Роберти, а после того как убийство было совершено, украли у де Роберти деньги в размере ста рублей и сбежали. Признаете ли вы себя виновной?

– Не признаю, – тихо пробормотала обвиняемая.

– Громче говорите! – Председатель с трибуны повернулся к ней правым, слышащим ухом.

– Не признаю! – громко повторила Марья с надрывом в голосе.

– Так-так, – зашел издалика председатель. – В каких отношениях вы состояли с Евгением Валентиновичем де Роберти?

– Работала у него горничной.

– А кем вам приходился Прохор Данилов?

– Прохор-то? Так женихом.

Рядом с Николаем прошептали: «Во баба – и с барином, и с лесником крутила!»

Председатель задал наконец вопрос, который волновал всех присутствующих:

– Вы вступали с де Роберти в интимную связь?

– Чегось? – не поняла Марья.

– Ты была любовницей де Роберти?

Крестьянин, сидевший рядом с Николаем, продолжал комментировать: «Конечно, была. Не конфекты ж с ним ела!»

Марья начала плакать и заламывать руки:

– Он меня ссильничал, еще мне только одиннадцать лет стукнуло!

По залу суда прокатился ропот.

Председатель застучал молоточком, призывая присутствующих к тишине:

– Кому вы говорили об этом?

– Всем говорила. А мне говорили: молчи. Никто не захотел вступить! – всхлипывала Марья.

– И что же дальше?

– Пять лет назад, когда мне еще пятнадцати не исполнилось, у меня родился от него ребенок. И этот гад увез и отдал его в московский воспитательный дом. И я не знаю до сих пор, где мой мальчик! – завывала Марья.

– Что же ты не пожаловалась в суд, обвиняемая? – насмешливо поинтересовался прокурор.

– Я хотела подать в суд, но мне сказали, что никто мне не поверит.

– Кто сказал? – вмешался председатель Савельев.

– Да вон урядник наш, Иван. – Марья указала на толстого мужика в форме.

– Ась? Что я? Не было такого, – затараторил мужик, озираясь по сторонам.

– Хотела в монастырь уйти, но Прохор мне предложение сделал, – сказала девушка, – а де Роберти не отпускал, проходу мне не давал.

– Данилов его убил?

– Про то мне неизвестно.

– Расскажите, как это было?

– Вечеру я пришла стелить барину постель, думала, нет его. А он притаился в шкафу, накинулся на меня, стал раздевать. – Губы у нее задрожали. – Тут откуда-то раздался выстрел, и он, ирод окровавленный, упал передо мной. – Девушка жестом показала, как именно ирод окровавленный упал, и торжествующая улыбка на миг коснулась ее губ.

– И что вы сделали после этого? – продолжил допрос председатель.

– Испужалась я. Побежала.

– А деньги зачем у барина украли?

– Деньги прямо там, на столике лежали, – недоуменно пожала плечами Марья. – Я как увидела, что он мертвый лежит, схватила их – думала в Москву бежать, сынка мого искать. А как без денег-то? Да я и безграмотная – где помощи искать?

Рядом зашептали: «Ясно, в Сибирь сошлют – скажут, сообщница».

Далее вызывали свидетелей обвинения.

Агент сыскного отделения рассказал на суде, что валентиновские крестьяне, измученные жалобами своих жен, невест и дочерей на посягательства де Роберти, не скрывают своей радости по поводу смерти хозяина. И даже ранее как будто собирали деньги, чтобы заплатить за убийство де Роберти, но не представлялось подходящего случая.

Николая также допрашивали как свидетеля со стороны обвинения. Ничего дельного он сказать не смог, так как почти не знал убитого – де Роберти де Кастро де ла Серда. Старицкий помещик с французскими и испанскими корнями отличался непростым нравом, слыл эпатажным либералом и тяготился общением с консервативными соседями, часто уезжая во Францию проводить свой досуг в «Мулен Руж».

Ответив на вопросы, Николай, ошарашенный, слегка шатаясь, вышел из зала суда, не дожидаясь приговора. То, что девушку обвинят, не вызывало у него сомнения. Мысли путались. Пытался найти себе оправдание, что его чувства к Катерине – это совсем другое, светлое,

возвышенное. Что он не имеет ничего общего с де Роберти. Но чем больше он об этом думал, тем больше не клеилось.

Выезжая из Старицы, вспоминая Марью, решил, что не может так поступать с Катериной. «Это не любовь, а пошлость. Неужели я, дворянин, морской офицер, уподобится этой мрази де Роберти и погублю ее, невинную?»

Так, сам себя не помня, Николай доехал до Дмитрова.

Разрумянившаяся от мороза Катерина несла воду из колодца. Увидев Николая, подошла и тяжело опустила коромысло с ведрами на дорогу. На улице никого больше не было – после обеда деревня отсыпалась от затянувшегося разговения. Долго молчали, не решаясь посмотреть друг на друга. Николай по дороге из суда готовил целую речь для Катерины, но, увидев ее, не смог выдать ни слова. Наконец словно очнулся, нащупал в кармане серебряный портсигар с монограммой N.W. и порывисто закурил. Жадно затянувшись несколько раз, прокашлявшись, прохрипел севшим ни с того ни с сего голосом:

– Вот что, Катерина. Что было – то прошло. Давай забудем это. Не знаю, что случилось со мной. Так неправильно.

Катерина молчала, все еще не решаясь посмотреть на него. В ее душе росло возмущение: она поймала себя на том, что все это время хотела, чтобы Николай снова клялся ей в любви. Ждала его, чтобы самой отказать, и совсем не ожидала, что он сделает это вместо нее.

Николай продолжил. Наконец он вспомнил, что хотел сказать:

– В сентябре, как ты знаешь, приедет учитель к Наташе. Я вот что решил: если ты согласна, договорюсь, чтобы он взялся тебя учить, чтобы ты усвоила грамоту за год. Ты способная. А потом отправлю тебя в коммерческое училище в Петербург. Что думаешь?

Мысли пронеслись в голове Катерины. Она вспомнила вчерашнее гадание: «В Петербурге или в Новгороде. Может, и правда, судьба моя там – как теперь откажешься? Но как же поступить с Николаем, неужели доля мне такая выпала – прежде стать его любовницей? стыдно даже думать об этом. Нет, не поеду, если так».

Помолчав, Николай добавил, угадав ее мысли:

– Больше тебя не трону – обещаю.

Катерина смутилась и покраснела – кровь ударила ей в голову, и мгновенно в памяти возник поцелуй, на который она отвечала, забыв про стыд. Катерина посмотрела на губы, которые несколько дней назад целовала, – она все еще помнила их сладковатый вкус, и то, что они оказались на удивление мягкими, а вот и его руки, которые нежно касались ее, – такие тонкие пальцы и в то же время сильные и настойчивые. Сегодня она впервые видит его без обручального кольца. Почему он снял его? Сможет ли она забыть ту ночь? И сможет ли он забыть об этом?

– Правда это, Николай Иванович? Не обманете?

– Не обману – слово даю. Не трону тебя.

– Не знаю я, стыдно мне, – все еще сомневалась Катерина.

– Нечего тебе стыдиться, Катя. Ты ни в чем не виновата. Я сам во всем виноват, не смог совладать с собой, но больше такого не повторится – вот тебе мое слово.

Николай протянул Катерине свою теплую, широкую руку. Девушка все никак не решалась. Николай добавил:

– И Наташа очень тебя ждет, скучает, каждый день спрашивает о тебе. Не расстраивай ее, пройду тебя.

Катерина, смущаясь, в ответ протянула руку. Николай улыбнулся – и Катерина улыбнулась в ответ. Мир был восстановлен.

– Собирайся, я подожду тебя. – Николай все еще не верил, что ему удалось до конца убедить ее, и боялся, что она может передумать и остаться. Он понял, что для счастья не так уж много и надо.

Катерина подхватила ведра:

– Пойду со своими попрощаюсь – я мигом.

Забежав к бабке Марфе и получив ее благословение, Катерина наспех попрощалась с родителями, Глашей и Тимофеем. Дуська, которая совсем недавно боялась, что Катерина не вернется в усадьбу, снова брюзжала – сегодня вечером обещались приехать богатые сваты. Дуське понравилось крутиться в центре внимания всей деревни, зубоскалить перед любопытными бабами: «Вот посмотрим, кому еще моя Катька откажет!»

Катерина поняла, что счастлива вернуться в Берново – здесь теперь ее настоящий, пусть даже временный дом, по которому она очень скучала. И рада, очень рада увидеть маленькую Наташу. Будто все произошедшее с ней – дурной сон, который никогда не повторится и который нужно как можно скорее забыть, шепча три раза для верности: «Куда ночь, туда и сон».

Глава 3

Уроки чтения не возобновились. Николай сдержал слово – больше не заговаривал о том, что произошло. Они не оставались наедине, но по-прежнему виделись во время Наташиных завтраков и воскресных обедов.

В остальном Катерина старалась избегать Николая, не попадаться на глаза, кожей ощущая оставшуюся между ними недосказанность. Воспоминания о произошедшем мучили ее, не давали покоя: сама того не желая, Катерина представляла, как губы Николая снова касаются ее губ, а пальцы нежно скользят по позвоночнику, спускаясь все ниже, мечутся, забираясь куда нельзя. Катерину тянуло к нему, и она замечала, что Николай тоже не забыл случившегося, не смирился: в его взгляде, даже брошенном походя, мельком, читались тоска и отчаяние.

На людях Николай притворялся равнодушным. Но, укрытый от любопытных зрителей в кабинете, жадно наблюдал за Катериной из окна, когда она гуляла с Наташей, по воскресеньям сопровождал ее и дочь на литургию, то и дело заглядывал в детскую – будто бы справиться, как дела у Наташи. Даже эти короткие встречи воодушевляли его, словно снимали груз, накопившийся за все несчастливые годы брака с Анной. Много раз Николай порывался поговорить с Катериной, но всякий раз что-то его останавливало – получалось крайне неловко. Не был уверен, что Катерина любит его. Она что-то определенно чувствовала к нему, но что? Если бы точно знать, что она любит, что это не слабость с ее стороны, не сила его положения. Торопить события не хотел, боясь снова все испортить, и довольствовался тем, что есть. Он надеялся, что Катерина сама подаст знак. И тогда его ничто не остановит, все сделает, чтобы быть с ней.

В феврале Анна Ивановна родила мальчика, маленького Вольфа, наследника, которого крестили Никитой.

Младенцу взяли кормилицу из местных баб – Татьяна Васильевна лично отобрала толстую неповоротливую бабу из малинниковских. Убедившись, что ребенок здоров, жадно сосет крестьянскую грудь и ни в чем более не нуждается, Анна сразу же засобиралась. Николай не препятствовал. Чтобы избежать пересудов о слишком поспешном отъезде, объявили: Анна по причине слабого здоровья уедет лечиться в Москву к Пасхе.

В конце зимы тихо, во сне, умерла бабка Марфа. Опасаясь, чтобы Катерина не стала сильно убиваться и не сбежала из усадьбы, Дуська про похороны бабки умолчала. Проговорилась Глашка, когда уже сорок дней прошло. Катерина тихо рыдала по ночам, боясь разбудить Наташу, днем же приходилось делать вид, что ничего не случилось: плакать и носить черный платок Клопиха запретила.

Пасха 1913 года прилась на середину апреля. Весна потихоньку начала вступать в свои права: дороги покрылись струйками ручьев, робко начали перекликаться первые птицы, провозглашая грядущие теплые дни.

В Чистый четверг Катерина вскочила до рассвета. Обычно просыпалась в семь часов, по деревенским меркам, очень поздно, потому что в четыре часа утра уже принимались за работу. Пока Наташа спала, Катерина побежала в баню – Агафья уже натаскала колодезной воды и положила оставленное на всю ночь во дворе мыло. Катерина быстренько скинула одежду и залезла в корыто, на дне которого лежала хозяйская серебряная ложка. Агафья ухнула ведро студеной, с льдинками, воды – чтобы год не болеть. Катерина тут же обрезала конец своей косы: если в Чистый четверг постричь волосы – вырастут длинными и густыми.

Охнув, ополоснувшись ледяной водой, Агафья вернулась на кухню и, пробормотав: «Кузьма-Демьян, матушка, помоги мне работать!», поставила припорошенное мукой тесто на куличи, а чтобы не «застудить» его, закрыла дверь. А пока принялась за пряники: они

выпекались в виде кудлатых барашков, ногастых зайцев, летящих голубков и петушков с гребнями-коронами.

После завтрака Катерина с Наташей принялись красить яйца. Крашенки уже стояли отдельно, сваренные в душистой луковой кожуре, накопленной за зиму. Катерина взяла цыганскую иглу и стала выцарапывать на бордово-оранжевых яйцах узоры: цветы, голубей, веточки или просто ХВ – получались ажурные драпанки. Потом разрисовывали писанки: с помощью тоненьких кисточек и иголочек выводили замысловатые разноцветные завитушки все тех же куполов с крестами, цветов и голубей. Этим премудростям Катерину научила еще бабка Марфа. Наташа помогала – выводила загогулины своими еще неловкими ручками.

Катерина и Наташа бродили ножницами по яркой цветной бумаге – вырезали лепестки и соединяли их в бутоны. В субботу куличи, пасхи, стол, иконы и весь дом предстояло нарядить самодельными цветами.

На секунду мелькнула вечно недовольная голова Клопихи с торчащими из-под чепца космами: удостоверилась, что все идет как надо. Приготовление к Пасхе велось под неукоснительным надзором экономки: выбиваясь в эти дни из сил, не ложась спать, она требовала полного соблюдения всех традиций – с утра во всех комнатах зажигались свечи, лампы и светильники. Клопиха и Кланя, не зная усталости, с рассвета трясли, мыли и скребли, поскольку к вечеру четверга все должно было быть готово, – нельзя даже пол мести до Пасхи.

После того как комнаты наконец были прибраны, Клопиха зажгла заранее принесенные из леса пахучие ветви можжевельника и стала окуривать ароматным дымком все комнаты барского дома, баню, хлев, амбар, чтобы целебный можжевельниковый дым защитил человека и «животинку» от нечисти и болезней.

Как условились, на кухню пришел Николай: каждый год в этот день Клопиха с особой торжественностью готовила «четверговую» соль: хозяевам и прислуге нужно было взять по горсти соли и сыпать в один общий холщовый мешок. Николай с важным видом, рассчитанным на Клопиху, зачерпнул щепоть соли из одного мешка и пересыпал в другой, который экономка деловито отдала Агафье, чтобы та запекла и отнесла освятить в алтаре. Клопиха верила, что приготовленная таким образом соль (вкупе с остальными, не менее действенными проверенными средствами) сохранит семью и прислугу, а также уберезет от несчастий дом, скот и огород.

«Христос воскрес!» – громогласно провозглашал отец Ефрем.

«Воистину воскрес!» – радостно отзывались из толпы. Мужские, женские и детские голоса соединялись в одно целое, переливались, поднимались под купол храма и парили там, уподобляясь сонму ангелов небесных. Общее ликование усиливалось ружейными залпами: охотники в ответ на возгласы палили близ церковного порога в воздух, загадывая, чтобы ружья впредь били без промаха.

Разодетые крестьяне со всей округи – Соколова, Иевлева, Корневков, Воропунь, Москвина, Павловского, Курово-Покровского, Подсосенья и Негодяихи, кто не отправился пешком в паломничество в Старицкий монастырь, собрались в Бернове.

Катерина молилась у Тихвинской, вполголоса подхватывая возгласы отца Ефрема. Сегодня не спала: ночью ходила на всенощную и вернулась только под утро помогать Агафье на кухне. А сейчас снова пришла, но уже на литургию, вместе с Наташей.

На душе царило благостное умиротворение – Катерина любила Пасху. Сегодня церковь казалась ей особенно торжественной, даже свечи горели как-то по-особенному. Ни в какой другой день, подумалось Катерине, лица прихожан не светились таким воодушевлением и единением. Потолкавшись у дверей, на улицу вынесли хоругви – начинался крестный ход. Катерина широко перекрестилась на алтарь, не торопясь поклонилась и вышла вслед за толпой, прижимая к себе Наташу. Здесь, на выщербленных ступенях церкви, стоял Александр. Сначала

подумала, что показалось, но нет – это действительно был он: вьющиеся волосы, освещенные мягким апрельским солнцем, знакомо отливали медью.

Катерина оробела. Захотелось подойти, поговорить с ним, но не решилась. Молитва вмиг вылетела из головы, время замерло, ликующие пасхальные возгласы теперь слышались будто издалека. И вдруг Александр заметил ее: широкая улыбка появилась на его лице. Нисколько не смущаясь, пробрался сквозь толпу к Катерине, и они трижды похристосовались – Катерину обожгло ощущение его мягких губ на щеке.

– Здравствуй, Катерина. Я же обещал, что вернусь, – и вернулся.

Слова не шли – она не могла поверить, что Александр действительно здесь, рядом с ней, что это не сон. Наташа с любопытством, не отводя хитрых глаз, не смущаясь, разглядывала нового знакомого.

– Ездил на всенощную в Старицкий монастырь, рано утром выехал – хотел сюда на крестный ход попасть, – сказал Александр, будто они расстались только вчера.

– Я теперь в Бернове у Вольфов няней работаю, – пробормотала Катерина, указывая на Наташу.

– Какое совпадение. Не ожидала меня снова встретить? – заметил Александр ее замешательство.

– Ну почему же.

– Я тоже теперь у Вольфа работаю – новым управляющим.

– То есть как? У Николай Иваныча? – растерялась Катерина.

С одной стороны, это значило, что Александр теперь не уедет, что они смогут видеться. Но с другой стороны, он, как и она, станет работать у Николая. Она теперь будет видеть их вместе, а это почему-то показалось ей очень неловким, даже болезненным.

Крестный ход, а следом и служба закончились. Прихожане из Бернова поспешили в свои избы разговляться, а приезжие расположились прямо на возах с лежалой прошлогодней соломой. Катерина, Наташа и Александр решили подняться на колокольню – вся пасхальная неделя считалась «звонильной», и, к радости Наташи, благословлялось сколько угодно трезвонить в колокола.

У входа их встретил Николай, которого Катерина совсем не ожидала сейчас увидеть, – он не собирался приходить на литургию. Николай поздоровался и похристосовался с Наташей, Александром, которого, как оказалось, он сегодня ждал, и наконец, с Катериной. В первый раз после того случая в кабинете он подошел к ней так близко, что она снова ощутила запах его дорогого одеколона. Его поцелуй, да еще в присутствии Александра, совершенно смутил ее. Словно произошло не невинное христосование, а нечто большее, стыдное, на глазах у Александра. Катерине показалось, что губы Николая, едва коснувшись ее щеки, готовы были скользнуть ниже, к ее губам, на глазах у всех, и что Александр обо всем догадался и теперь презирает ее. Более того, она почувствовала, что ее тело откликнулось, заволновалось от близости Николая. Покраснев, она украдкой взглянула на Александра, но тот оставался невозмутимым и улыбался как ни в чем не бывало.

Николай предложил всем вместе подняться по узкой лестнице под купол и первым подал руку Катерине.

На колокольне захватывало дух от открывавшегося вида: внизу, прямо у храма, тонкой темной лентой извивалась разлившаяся после холодной снежной зимы Тьма, а на холме между еще голых деревьев белела усадьба. Как на ладони виднелись ожившая на Пасху деревня, поля, томившиеся в ожидании сева, и ближние леса, поредевшие за зиму.

Николай и Александр стояли плечом к плечу и разговаривали. Николай с высоты колокольни показывал свои владения. Катерина переводила взгляд с одного мужчины на другого. Николай был старше Александра лет на десять: широкий открытый лоб, отмеченный крестом морщин между бровей, и спокойный взгляд. Александр – высокий, по-мальчишески худой,

с тонким гордым носом. «Похож на святого Пантелеймона с иконы», – подумала Катерина и испугалась собственной мысли.

Николай сразу же заметил, как Катерина смотрит на Александра и что она смутилась, когда он подошел, – будто помешал им. Зависть больно ужалила его: «Когда же она успела влюбиться в него?» – и тут же кольнуло предчувствие, что потерял ее.

Спустившись, Николай с Наташей и Катериной отправились на повозке в усадьбу, а Александр верхом зарысил следом, обмениваясь взглядами с Катериной.

Николай с любопытством и горечью рассматривал Катерину: «Вот она какая, когда влюблена» – на губах играла легкая улыбка, которую она не могла скрыть, щеки пылали румянцем, глаза по-особенному щурились. Катерина не замечала, что Николай наблюдал за ней. Все мысли ее рвались к Александру. Катерина радовалась, что он приехал, но вместе с тем тревожилась: а вдруг не понравится ему, когда он узнает ее получше?

Вернувшись из церкви, все без исключения домашние под надзором строгой Клопихи приступили к умыванию: в первый день Пасхи в воду клали серебряные и золотые предметы и обязательно красное яйцо. После этого Клопиха, чтобы уберечь от сглаза, перекрестившись, покатала пасхальное яйцо по рукам и лицу Наташи и Никиты. Она радела, чтобы Пасху праздновали как надо, а то как бы чего не вышло. Николай, с детства привыкший соблюдать традиции, не верил в приметы, но и не возражал, а даже радовался, что дети увидят, а может, даже сохранят воспоминания об этом дне.

Отец Ефрем и другие дьяконы в сопровождении алтарников, тяжело ступая, то и дело смахивая пот, принесли иконы: Воскресение Христово и Николая Угодника. Их вышли встречать во двор усадьбы. Иконы «поднимали» по особым случаям: на Пасху, Илью и на Успение – обносили крестным ходом все дома в Бернове и в других деревнях прихода, начиная с усадьбы Вольфов. Огромные иконы не проходили в дверь иной избы, а несли их пять крепких мужиков одновременно.

Как только отслужили молебен, Николай пригласил разговляться. В Берново приехали Татьяна Васильевна, Павел, Фриценка и помещица Юргенева с дочерью Верой и молодым врачом Сергеевым. Наташу, Катерину и Александра позвали за стол вместе со всеми.

Усаживаясь во главе стола, Николай решил, что сегодня же отошлет управляющего обратно: «Не хочу, не могу потерять Катерину!» Но чем больше он размышлял, слушал Александра, тем больше тот ему нравился. «Нет, это неблагородно, низко. Не имею права вмешиваться. Ничего предложить я не могу, так пусть Катерина сама выберет свою судьбу».

Первое пасхальное яйцо съели, разделив его по числу сидящих за столом. В Страстную пятницу Катерина строго постилась – пила только воду, а в субботу толком и времени на еду не оставалось, поэтому сейчас это яйцо показалось лучшим на свете лакомством.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.